

A woman with long, wavy brown hair is shown from the waist up, wearing a shimmering, sleeveless gold dress. She is looking back over her right shoulder towards the camera. She stands on a wide, golden staircase that leads up to two ornate, classical-style pillars. The background is a soft, golden-hued sky with light clouds. The overall aesthetic is opulent and cinematic.

ЮЛИЯ
ДИППЕЛЬ

КАССАРДИМ

ЗА ЗОЛОТЫМ
МОСТОМ

НОВЫЙ ЦИКЛ ОТ АВТОРА «ИЗАРЫ»

Юлия Диппель
За Золотым мостом
Серия «Кассардим», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57390478

За Золотым мостом: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-102094-1

Аннотация

Амайе исполнилось шестнадцать. Уже восьмой раз подряд. Ее родители не стареют, а братья и сестры не похожи друг на друга. Девушка любыми способами пытается выяснить, кто она на самом деле. Но мать и отец делают все возможное, чтобы сохранить семейную тайну: постоянные переезды, строгие правила и даже контроль над разумом давно стали чем-то привычным для Амайи. Однако все меняется, когда в их доме появляется пленник. Таинственный юноша по имени Ноар пришел, чтобы открыть Амайе правду. Но для этого девушке придется отправиться в Кассардим – царство мертвых, куда живым путь закрыт. Готова ли Амайя навсегда оставить земную жизнь ради правды или человеческому сердцу не дано покинуть этот мир?

Содержание

Лифты небезопасны	5
По крайней мере, не вампир	20
Полированное красное дерево и огненные пропасти	43
Два слова, которые изменяют все	62
Любимое ампула Ноара	80
Время сказок в китайском ресторане	100
Удачная ставка в лошадиных бегах	123
Течение и вытекающие последствия	139
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Юлия Диппель

За Золотым мостом

© by Thienemann in Thienemann Esslinger Verlag GmbH,
Stuttgart By Julia Dippel (author)

© Колина А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Лифты небезопасны

Пульсирующая зеленая линия и ее писк, повторяющийся с определенной частотой, показали мне смерть непривычно близко. Я еще ни разу не переживала смерть человека, никогда не наблюдала, как кто-то мучительно медленно приближается к своему концу.

– Хотя бы попытайся не выглядеть такой шокированной, – пробормотала Зои. – Я прекрасно знаю, что сейчас выгляжу бледнее, чем ты.

Внешний вид подруги и в самом деле шокировал меня, и это еще слабо сказано. Я чувствовала себя так, словно кто-то выбил почву у меня из-под ног. Это хрупкое нечто под больничной простыней едва ли имело что-то общее с моей Зои. С этой полной жизни девушкой, что забавно пританцовывала, получив хорошую оценку, и громко пела, пока ехала на велосипеде домой. И ее не волновало, слышал ее при этом кто-то или нет. Я не видела свою подругу два года. Два года, что изменили Зои до неузнаваемости. Не было ее сияющей улыбки и живого блеска в глазах. Ее лицо прекрасного карамельного оттенка и горячо любимая афроприческа также пали жертвами химиотерапии.

– Почему ты не сказала мне об этом раньше? – мне с трудом удавалось держать свой голос под контролем. Уголки рта Зои немного приподнялись. Ее вид разбивал мое сердце. Мы

познакомились в Цюрихе на джазовых танцевальных курсах, где Зои восхищала всех тем, как энергично она могла двигаться. Теперь же ей едва хватало сил даже для незначительного движения. Когда подруга жестом подозвала меня к себе, она больше напомнила мне старуху, нежели юную девушку.

– Быть королевой драмы доставляет удовольствие только в том случае, когда ты при этом ослепительно выглядишь, – попыталась отшутиться Зои. Это тоже была лишь частичка остроумия, которым она могла сразить меня раньше.

В нерешительности я отлепилась от дверного проема и села на стул, который стоял возле кровати. Я взяла Зои за руку и сжала ее. Этого оказалось достаточно, чтобы снять маску с моей подруги и увидеть слезы на ее глазах.

Она прошептала:

– Хорошо, что ты пришла.

– По-другому и быть не могло! – ответила я.

После того как Зои мне, наконец, призналась, что с ней случилось, и почему она нерегулярно отвечала на мои сообщения я бросила все свои дела, чтобы сразу же купить билет на поезд до Женевы. Видимо, там находилась специализированная клиника для больных лейкемией. По воле случая, на данный момент мы жили всего в трех часах езды друг от друга. Остававшиеся дни до выходных были настоящей пыткой. Ну, зато так я могла придумать себе правдоподобное алиби, почему буду отсутствовать всю субботу.

– Твои родители в курсе, что ты здесь? – спросила Зои,

словно прочитав мои мысли.

В ответ я многозначительно вздохнула. Они бы ни за что не отпустили меня. Мне, наверное, грозил бы домашний арест на следующие двадцать лет, узнай мои родители, что я поддерживаю связь со своей «старой жизнью».

Это было против правил, и за все десятилетия я нарушила их только ради Зои. Единственная подруга, которую не волновало, насколько я была странной, закрытой и резкой по отношению к ней.

– Папа сейчас немного на нервах, потому что нам снова нужно переезжать, – пояснила я. Это было правдой. – Пока они преследуют нас, нам больше ничего не остается. – И снова правда, по крайней мере, частично.

В конце концов, должна же я была что-то рассказать Зои, когда мы в тот раз просто внезапно уехали. Достаточно приукрашенная история о нашей семье под программой защиты свидетелей показалась мне наиболее правдоподобной. Плюс ко всему, это объясняло то, почему Зои никому не должна разглашать, что с нами стало.

– Думаю, у тебя будут проблемы.

Я ухмыльнулась:

– Мне не привыкать.

Вообще, я никогда не попадала так часто под домашний арест, как во время общения с Зои. И никогда не мирилась с этим так просто. Раньше особо никто не был заинтересован в том, чтобы пригласить меня к себе в гости или чтобы взять

меня с собой на вечеринку. Только благодаря Зои я впервые узнала, что такое социальная жизнь.

– Хорошо, но ведь здесь... – проворчала моя подруга и осмотрела палату, – ... здесь тебе не школьный бал. Тут нет наших придурковатых одноклассников, по которым родительский ремень плачет. – Она попыталась скорчить гримасу. – Такое чувство, будто твоя жизнь теперь стала печальной, Май-Май.

Чистая правда, но это было ничто в сравнении с кошмаром, через который предстояло пройти Зои. В последних голосовых сообщениях она рассказала все о своей лейкемии. Якобы уже нашелся донор стволовых клеток, но ей все равно нужно было сначала завершить курс химиотерапии.

– Ты заслуживаешь донора, – заверила я ее. – И ты со всем справишься.

Крупная слеза скатилась по впалой щеке Зои:

– Ну, раз уж ты так говоришь...

Я еще никогда не видела ее в слезах. У меня застрял ком в горле. Зои была такой храброй и, тем не менее, уже почти сдалась. Это было очевидно. В тот самый момент я приняла решение. Затея была определенно рискованная. И мы находились в очень неподходящем для этого месте, но Зои не смогла бы продержаться дальше без надежды.

– Я не просто говорю это, я знаю. У тебя получится. – Я пристально посмотрела в глаза подруги и вложила всю свою силу убеждения в следующие два слова:

– Верь мне.

Густой туман на мгновение обволокло темные глаза Зои, прежде чем вернулся их привычный блеск. Она благодарно улыбнулась мне и заметно воодушевилась.

Разумеется, Зои не подозревала, что я с ней сделала. На самом деле мне тоже это не было известно наверняка. Втайне я звала это силой слова. Если это удавалось правильно «включить», мы с моей семьей могли оказывать таким образом влияние на других. Но мы мало говорили об этом. Никто никогда не объяснял мне, как работает эта способность или как следует ее применять. Я даже подозревала, что мои родители манипулировали мной и братьями, чтобы мы не могли ничего выяснить об этом. Единственное, что я знала наверняка, – на этот дар нельзя полагаться. Иногда у меня получалось все перевернуть, иногда нет. В этот раз удача мне улыбнулась. Зои оживилась, словно по нажатию кнопки. Она затараторила, рассказывая последние сплетни из моего прошлого класса и расспрашивая о моих братьях и сестрах. Вернее сказать, она спрашивала лишь о старшем брате, Нике. Зои нравилась его темная шевелюра, да и вообще она всегда находила Ника чертовски горячим. Как же я по ней скучала...

Мы болтали почти целый час до тех пор, пока в палату не промаршировала полная медсестра и не перебила нас.

– Бог ты мой, что вы здесь до сих пор делаете, юная леди? – она одарила меня критическим взглядом. – Время для

посещений истекло! Ты здесь одна? Где твои родители?

– Это Майя – моя подруга с танцевального курса, – ответила Зои вместо меня. – Она недавно переехала и теперь живет слишком далеко отсюда, так что мы не можем видеться часто. Возможно, вы могли бы сделать разочек исключение, сестра Агнес? – энергичная нота в голосе Зои напомнила мне о прошлых временах. Я улыбнулась. Как там говорилось? «Вера может горы свернуть».

– Еще одна танцовщица, значит. Как здорово, – пропела медсестра воодушевленно, пока проверяла больничное оборудование и трубки. – Я думаю, это очень похвально, что ты поддерживаешь Зои. Но мне все равно придется попросить тебя уйти. Если хочешь, можешь позвонить своим родителям из сестринской комнаты и попросить их забрать тебя.

– Не стоит, родители ждут ее внизу в машине, – солгала Зои, не моргнув глазом и добавила, подмигнув мне:

– Иди уже, я напишу тебе. И передай Нику от меня привет!

Сестра Агнес выпроводила меня из комнаты и захлопнула дверь перед моим носом.

Пятиминутная радость. Тем не менее оно того стоило.

Я взглянула на часы. Если поторопиться, то можно было бы успеть даже на более ранний поезд до Лиона, чем планировалось. Все равно я чувствовала себя здесь не особо комфортно. Больницы стоят первым пунктом в списке мест, от которых нам при любых обстоятельствах следует держаться

подальше. Я не имела ни малейшего понятия почему, но мне совсем не хотелось этого выяснять.

Ожидая лифт, я пыталась откопать телефон в моей переполненной сумке через плечо. Зои окрестила ее «Бермудским треугольником Май-Май», потому что там пропадали вещи и появлялись снова только годы спустя.

Когда я, наконец, нашла телефон, на дисплее отображалось сообщение. Как и ожидалось, оно было от Зои: «Сестра Агнес говорит о тебе без умолку. Она сказала, ты напоминаешь ей любимую куклу ее дочери. Довольно стремно, как по мне!»

Я вздохнула и закатила глаза. Сейчас мне уже не привыкать к вечным сравнениям с куклой. Эта медсестра была не первой, кто остался под впечатлением от моего низкого роста, бледной кожи и непослушных темных кудрей на голове. Почти каждый находил это «милым». Каждый, кто не имел ни малейшего понятия, как было сложно при этом не выглядеть, словно несовершеннолетнее вечно простуженное пугало.

«Надеюсь, ее дочь не выдумана, и она не запрет меня в подвале вместе с другими своими «куклами»...» – напечатала я и тут же получила в ответ от Зои поток ужасающих и ухмыляющихся смайликов.

Глухой удар заставил меня оторвать взгляд от телефона. На другом конце коридора двое мужчин спорили между собой. Один прижал другого к стене и тихо в чем-то пытался

его убедить. Поскольку освещение в коридорах уже приглушили, я не могла ничего толком разглядеть. Но на мужчинах были зимние пальто и тяжелые сапоги, так что это явно были не пациенты. Что-то во мне сопротивлялось, толкалось изнутри и пыталось сквозь мою кожу пробиться наружу. Я растерла руки через куртку. Мне было знакомо это чувство, и я ненавидела его. Казалось, будто крошечные насекомые мучительно медленно роились под моей кожей. Кроме того, обычно это происходило только дома, когда мои родители...

Лифт прибыл с характерным коротким писком. Я быстро проскользнула внутрь и несколько раз нажала на кнопку первого этажа. Как только лифт закрылся, неприятное чувство утихло. Я вздохнула с облегчением, но в последнюю секунду между дверьми протолкнулась черная кожаная перчатка. Внутри застряла увесистая ладонь, которая принадлежала мужчине средних лет с небольшой проседью. Прежде чем зайти в кабину лифта и заполнить ее своим грозным присутствием, он бросил на меня тяжелый взгляд своих темно-серых глаз. Я вжалась в угол и почувствовала себя еще меньше, чем и без того была. Видимо, это был один из тех мужчин, у которых только что произошла потасовка. Кроме них в коридоре никого не было.

Двери лифта снова закрылись, заперев меня на следующие четырнадцать этажей вместе с этим странным типом. Теперь он отвел от меня свой сосредоточенный взгляд, так что я могла тайком рассмотреть его. Лицо мужчины было уг-

ловатым и покрытым шрамами, но тем не менее это выглядело по-своему привлекательно. Длинные волосы были собраны на затылке в хвост, и это идеально подходило его суровому, но ухоженному внешнему виду. Он выглядел как телохранитель русского криминального авторитета, который мог и шефа в Оперу сопроводить, и надрать кому-нибудь задницу в темном переулке. Имел ли он отношение к неприятному чувству, что сейчас копошилось под моей кожей? Размышляя над этим, краем глаза я заметила, как пол в противоположном углу начал растворяться. Серый линолеум скручивался, а тени оттуда разрастались, словно пальцы, пытающиеся на ощупь добраться до нас из другого измерения. Вот черт, только не это. Я же использовала свой дар совсем чуть-чуть.

Темные пальцы соединились и превратились в щупальца с мигающими фиолетовыми и зелеными наростами. Это были вихри хаоса, у которых не было плана или траектории движения. Они бесцельно двигались в поисках жертвы. Непредсказуемые надоедливые твари... И они напали на мой след. В панике я посмотрела на табло лифта. Мы доехали только до восьмого этажа. Вот черт. Неважно, насколько медленно здесь расплзлся хаос – пока мы не добрались до первого этажа, вихрь в любой момент мог настичь и поглотить меня.

Я отошла в сторону, чтобы уклониться от выющихся щупалец, которые уже поглаживали носки моей обуви. Мне едва удалось не столкнуться с высоким мужчиной, который

снова наблюдал за мной, нахмурившись. Я уже хотела было заверить его, что не сошла с ума, как вдруг мое сердце пропустило удар. Позади мужчины тоже разрастался огромный вихрь хаоса, который уже готовился жадно схватить его. О боже! Нужно было что-то сделать, нужно было его предупредить! Я набрала воздуха в легкие, но... не смогла подобрать слов. Что мне следовало сказать? Что какой-то невидимый монстр вот-вот проглотит его? Я снова почувствовала легкое прикосновение к носкам моей обуви. Тени на полу вновь нашли и окружили меня. Мне оставался только один большой спасительный рывок в направлении дисплея лифта. В тот же самый момент, когда я собиралась выпалить мужчине выдуманную историю о том, почему нам следует срочно покинуть лифт, он протянул руку через мое плечо и нажал одну из кнопок. Почти мгновенно лифт остановился, и двери открылись. Я выпрыгнула наружу как раз вовремя, прежде чем тени обвилились вокруг моих лодыжек и схватили меня.

– Возможно, вам тоже следует пойти по лестнице, – пробормотала я. – Лифты... небезопасны...

Лифты небезопасны? Ничего глупее мне еще не приходило в голову! Захотелось вдруг ударить себя по лицу ладонью. Я бы так и сделала, не подорви это мой авторитет еще больше. Но было не похоже, что мужчину тревожили мои слова. Он криво ухмыльнулся, напоминая этим скорее дикого зверя, нежели человека.

– Тебе следует быть осторожной, лестницы тоже небез-

опасны, – пробурчал он и наступил своим тяжелым ботинок на вихрь хаоса, что хотел последовать за мной из лифта. Тени рассеялись. – Беги!

В тот же момент двери захлопнулись, и мне показалось, что нечто блеснуло медным светом. Несколько секунд я стояла в растерянности, но затем вспомнила о предупреждении странного мужчины и побежала прочь. Его слова снова и снова отдавались эхом в моих ушах. Особенно в тот момент, когда первые темные щупальца выползли из стен лестничной клетки и попытались меня схватить. Но они просто вяло ощупывали все вокруг. Можно было без проблем вернуться от них, так как замкнутое пространство лифта больше не ограничивало меня. На первом этаже я выскочила через главный выход и побежала в направлении вокзала сквозь наступающую ночь. На автобусе ехать не стоило, поскольку я была еще не достаточно далеко от больницы. Не лучшая идея снова лезть в закрытое пространство, ведь вихри хаоса могли появиться в любой момент.

Я разрешила себе перевести дух, только добравшись до платформы. Пробежка на холодном осеннем воздухе помогла мне побороть первоначальный шок. Я облокотилась на свои колени и попыталась привести мысли в порядок. Конечно, в последние десятилетия уже не раз случалось, что небольшие вихри хаоса иногда давали о себе знать. Как правило, в тех случаях, когда я использовала свой дар на ком-то вопреки запретам. Но сегодня вихри были энергичнее и

агрессивнее чем обычно. Вдруг это все и в самом деле именно из-за больницы? Или к этому причастен тот незнакомый мужчина? В конце концов, то отвратительное ползущее чувство я испытывала, только когда кто-то использовал силу слова недалеко от меня. Он был одним из нас? Он мог видеть хаос в лифте или же мне это все просто показалось? Теперь, на достаточно большом расстоянии от больницы, я прокляла себя за то, что убежала. У этого человека могли быть ответы на все вопросы, которые уже давно не давали мне покоя. Больше всего мне хотелось вернуться назад, но я знала, что его там уже не было. Как и моих шансов узнать всю правду...

Расстроенная, я рухнула на скамейку. Сегодня мне довелось почувствовать себя такой свободной, как никогда прежде. Это было мое личное приключение – впервые в одиночку отправиться в большой мир. Конечно, эта поездка была для меня большим риском. Слишком большим, насколько в этом теперь можно было убедиться. Все могло закончиться очень плохо. Я не боялась. Ну ладно, возможно, чуть-чуть. Но больше всего меня мучили угрызения совести. И я должна была признать, что родители небезосновательно запретили такие одиночные вылазки.

Через полчаса я сидела в поезде до Лиона. При удачном стечении обстоятельств можно было успеть домой к девяти и подтвердить свое алиби с походами по магазинам.

Раздался женский голос:

– Предъявите билет, пожалуйста.

Женщина относилась к разряду пожилых проводниц с огромным крючковатым носом. В ее французском слышался сильный акцент, но я все равно понимала ее. Для нашей семьи это никогда не было проблемой. Мы освоили все языки, и нам не потребовалось для этого много времени. Почему так? Это один из многих вопросов, ответы на которые мне задолжали родители. Однажды я спросила отца об этом, когда была еще маленькой. Тогда он просто сказал, что это у нас в крови.

Тепло улыбнувшись, я показала контролеру приложение со своим билетом. Она просканировала штрих-код и осмотрела меня скептически:

– Сколько тебе лет, девочка?

– Мне недавно исполнилось шестнадцать, мадам, – в восьмой раз, если быть точной. До этого мне было в течение пятнадцати лет пятнадцать. А до этого четырнадцать лет подряд четырнадцать. М-да, что тут сказать... Сущий ад – на целую вечность застрять в подростковом возрасте.

Скептический взгляд проводницы никуда не делся, и мне стало ясно, что последует дальше. Так что я достала конверт из моей сумки-Бермудского-треугольника и протянула его прямо под нос проводнице. Когда тебе вечно шестнадцать и ты хочешь более-менее свободно передвигаться, приходится пользоваться подобными уловками.

– Здесь письменное разрешение от моих родителей, – пояснила я ей на идеальном французском. – В Женеве живет

моя тетья, я приезжала к ней в гости. Нет повода для беспокойства. Уверяю вас.

Контролер изучила бумагу, которая, разумеется, была подделкой. В этот момент зазвонил мой телефон. Это была мама. Я пожалала плечами извиняющимся жестом и указала на дисплей, тем самым развеяв последние сомнения проводницы.

Проводница прошла дальше, позволив мне спокойно ответить на звонок:

– Привет, ма!

– С кем ты? – голос моей матери звучал резко. Это было ожидаемо. Я называла ее «ма», только когда хотела предупредить, что не могу говорить свободно.

– Я тут случайно встретила пару друзей, – солгала я и одновременно посылала Вселенной немую молитву о том, чтобы у меня получилось закончить разговор до того, как громкоговоритель в поезде выдаст меня.

Молчание на другом конце трубки было плохим знаком. Моя мать колебалась только в тех случаях, когда ей нужно было вынести спорное решение.

– Сейчас же иди домой!

– Что?! Почему? – теперь у меня действительно неприятности. Чтобы добраться от Лиона домой, мне требовалось около часа. Но от Лиона я была еще в двух часах езды.

– Одна из ловушек сработала. Твой отец вместе с братьями сейчас на охоте.

Вот черт! Как такое могло случиться? Как правило, странникам хаоса требовался как минимум год, чтобы отыскать нас. В сравнении с этими человекоподобными существами, в глазах которых горело безумие, вихри хаоса из больницы были настоящими лапочками. Неудивительно, что мама так беспокоилась и велела возвращаться домой.

Тем не менее я не могла ни летать, ни заставить поезд ехать быстрее...

– Не лучше ли дожждаться, пока папа не уладит проблему? – мне нужно было выиграть для себя немного времени.

И мой аргумент даже не был высосан из пальца. В конце концов, наш новый дом находился посреди огромного поместья, окруженного лесом. Ехать одной через непроглядную темноту, в то время как там бродит один из странников хаоса, казалось крайне плохой идеей. Мама вздохнула, и мне стало не по себе от того, что я была причиной ее беспокойства.

– Ладно. Не сиди на месте, избегай толпы и пиши мне каждые пять минут. Как только твой отец скажет, что все в порядке, ты тут же вернешься домой!

– Поняла, – ответила я, но мама уже положила трубку.

По крайней мере, не вампир

Сегодня вечером меня спасла скорее удача, нежели здравый смысл. Новости от отца появились как раз в тот момент, когда я уже собиралась сесть в машину, чтобы добратсья до Лиона. По дороге домой меня никто не остановил, хотя несовершеннолетняя девушка за рулем определенно являлась веским поводом для этого. На такой случай у меня были поддельные водительские права, которые папа подарил мне на прошлое Рождество. Это была одна из немногих поблажек, которыми располагали я и мои братья с сестрами. В конце концов, все мы уже не первое десятилетие уверенно водили машину, просто выглядели недостаточно взрослыми для этого.

Я припарковала свой «Volvo» на подъездной дорожке и достала из багажника пакеты с покупками, подтверждающие мое алиби. Шопинг без соответствующего улова был бы крайне неправдоподобным. В конце концов, если собираешься проверить какую-то аферу, то все детали важны.

Моя мать уже ждала у входа. В нетерпении она вцепилась пальцами в свой кардиган. Впрочем, ее стиль – это единственное, что выглядело в ней женственно в классическом понимании этого слова. В остальном же она была высокой, обладала холодным характером и жестким нравом. Полная противоположность типичного образа матери. Она поднимает

ла тяжести, бегала каждый день по два часа и почти никогда не улыбалась. Хоть убей, но я не могла бы припомнить, чтобы моя мать когда-либо была беззаботной. Даже сейчас она просто кивнула мне: ни объятий, ничего в этом духе не было. Она просто не спускала глаз с ночной подъездной дорожки и заперла дверь, как только я вошла в дом.

– Ма-а-айя-я! – моя младшая сестра Анни с грохотом сбегала вниз по лестнице и затормозила лишь в паре сантиметров от меня. – Ты купила мне что-нибудь?

Она смотрела на меня своими светло-кариими глазами с нетерпением, словно я была сказочной феей, что могла исполнить все ее желания. Мне с трудом удалось сдержать улыбку. Хоть Анни через десять дней и исполнялось сто пять лет, она не утратила свою беззаботность. На самом деле Анни должна была выглядеть на тринадцать, но своим поведением больше походила на одиннадцатилетнюю.

– Может быть, – сказала я заговорщицким тоном и потянула ее за карамельного оттенка косичку. – А может, и нет. Думаю, тебе следует набраться терпения.

Анни скорчила гримасу и недовольно скрестила свои маленькие ручки на груди.

– Я говорю не о подарке на день рождения. Ты всегда мне что-то покупаешь, когда едешь в город, – сказала она, а тем временем ее милое личико становилось все более разочарованным. Этого было достаточно, чтобы очаровать меня и заставить сдаться. Тем более я знала, что Анни не использо-

вала свое обаяние в корыстных целях. Поэтому я любила ее всем сердцем.

– Может быть, у меня все же есть кое-что для тебя.

Я порылась в одном из своих пакетов и вытащила новый выпуск ее любимого журнала о лошадях. Затем прозвучал короткий писк, Анни крепко обняла меня и устремилась вместе с журналом вверх по лестнице.

– Тебе не следует так ее баловать, – раскритиковала меня мама. Это прозвучало не столько сердито, сколько даже безразлично. Как обычно. Как обычно, я проигнорировала ее, а затем спросила:

– А Дженни уже вернулась?

Моя старшая сестра хотела переночевать у подруги сегодня, но после всей этой шумихи со сработавшей ловушкой она тоже должна была вернуться домой.

– Нет. Она не отвечает на звонки.

Это меня совсем не удивило. В отличие от моей матери, я знала, что ее новую подругу зовут Пауль и что на самом деле это горячий скейтер, которого Дженни закадрила в первый школьный день в Лионе.

– Наверняка с ней все хорошо, – попыталась я прикрыть свою сестру. Моя мать безразлично кивнула и затянула потуже свои блондинистые волосы, собранные в конский хвост.

– Да. По крайней мере, она мне написала, но без последствий я этого не оставлю.

Мне с трудом удалось подавить стон. И не только потому,

что я считала наказание нецелесообразным. Просто это означало, что следующие недели мне придется постоянно наблюдать и терпеть Дженни в плохом настроении.

– Поужинаем, когда вернутся остальные, – более-менее гладко мама попыталась сменить тему. – Отнеси свои вещи наверх и сложи их. Не хочу, чтобы пакеты снова валялись тут целыми днями.

Вздыхнув, я сделала то, что она сказала. В теории мама права. На практике же я бы хотела иногда ощущать немного меньше контроля и чуточку больше теплого отношения. Но ничего бы все равно не изменилось.

Моя комната находилась на втором этаже особняка. Раньше это поместье принадлежало какому-то барону, если верить интернету. Теперь же отсюда управлялась винодельня. Все поместье источало определенный домашний шарм, но я уже давно нигде не чувствовала себя как дома. Точно так же давно я прекратила задавать вопросы, на которые бы все равно не получила ответа. Это относилось и к вещам, изменить которые мне было не под силу.

Я вошла в свою комнату и поставила пакеты в шкаф, не распаковывая, скинула обувь в специальный «обувной угол» и заперла дверь, затем включила свой плейлист «Никогда не сдавайся» и рухнула на кровать к ноутбуку. После введения пароля на мониторе тут же засветились результаты запроса о лейкемии. С тяжелым сердцем я закрыла все вкладки и нагнулась на статью о хеттской мифологии, которую изучала

до того, как болезнь Зои стала для меня приоритетом. Плюс ко всему, на YouTube вышло видео под названием «Секрет кофейного зерна». Затем возник мой рабочий стол, заваленный файлами, на заставке которого была балерина в наушниках.

Все это довольно емко описывало мою жизнь: а) я зависима от музыки и б) к сожалению, та еще неряха; в) мне нравились библиотеки, а последние тридцать лет еще и интернет, потому что мои вопросы там не вызывали ни у кого недовольства; г) при наличии достаточного количества свободного времени, скуки и отсутствии социальных контактов даже самые абсурдные хобби могут показаться вам интересными. В данный момент я загорелась темой обжарки кофе, потому что уже чего только не перепробовала. Многие мои увлечения, к сожалению, не увенчались успехом – например, пчеловодство. К другим вещам я теряла интерес действительно быстро, как это было с моим травяным садом или гончарным делом. Но тем не менее во многие хобби я окуналась с головой. Отсюда вытекает еще один пункт: д) всю жизнь у меня была страсть к танцам – балет, джаз, хип-хоп, что угодно.

Внезапно послышался грохот. Кто-то что-то прокричал – это был голос моего отца. Они вернулись! Я подпрыгнула и побежала вниз по лестнице. От того, что они скажут, зависело, должны мы будем скоро снова переезжать или нет. Честно говоря, мне было все равно. Что же меня на самом деле очень интересовало, так это все факты, которые имели отно-

шение к нам: медленное старение, сила слова и хаос. Ничего мне не хотелось так, как узнать наконец, кем же я являлась на самом деле.

Но внизу меня ожидало нечто, отчего мороз бежал по коже. Оба моих старших брата, Ник и Адам, выглядели так, словно их жестоко потрепали в драке. Опухшие скулы, синяки, кровоточащие носы, разбитые губы. Между братьями повис высокий мужчина в черной одежде. Если Ник и Адам снова не поссорились, то, судя по всему, тот мужчина был причиной их состояния. Они связали ему руки за спиной. На голове у того был грубый холщовый мешок, так что лица незнакомца не было видно. Но я ни секунды не сомневалась в том, что его бездонные глаза были полны безумия.

– Вы привели сюда одного из перевертышей хаоса? – с трудом проговорила я в ужасе.

– Он не перевертыш, – рыкнул Ник в мою сторону. Его обычно стильно уложенный конский хвост сейчас напоминал скорее растрепанный веник, черные прутья которого торчали во все стороны. Я бросила на него недоверчивый взгляд:

– Что? Но ведь...

– Хватит! – крикнул мой отец. Его голос пронзил комнату, словно кнут. Отвратительное ползущее чувство появилось под моей кожей. – Отведите пленника в подвал. И никаких вопросов после. Забудьте о нем. В лесу мы нашли и убили одного перевертыша хаоса. Больше ничего вам знать

не нужно.

Я почувствовала, как мои мысли прогнулись под натиском его слов и уже были готовы принять эту новую реальность. Нельзя было этого допустить! То, что происходило сейчас, было очень важным. Мы еще никогда не брали никого в плен. По крайней мере, я не могла ничего подобного вспомнить.

Против воли ноги понесли меня вверх по лестнице. Нет, нет, нет!

«...Туман и яркий свет луны...»

Я начала напевать одну мелодию в своей голове. Она всегда помогала мне сконцентрироваться на чем-то важном.

Не забыть! Пленник! В нашем подвале!

«...маленький шаг... в звездную ночь...»

Под эту детскую песенку я танцевала, когда мне было одиннадцать. Мое первое и последнее выступление в качестве балерины. И мне так нравился мой костюм снежинки.

«...верхом на звезде можешь ты... от забот отправиться прочь...»

Родители хотели отговорить меня от выступления. Это был первый раз, когда мне удалось подавить воздействие силы слова.

«...прилетишь ты в место, где впредь... все мечты станут реальностью...»

С тех пор эта песня была напоминанием о том, что я могу им противостоять.

«...ведь если сильно этого захотеть...»

Нельзя было об этом забывать, нельзя было отступаться!

В подвале пленник!

«...все желания исполняются».

Мои ноги остановились. Они снова были под моим контролем, но я все равно продолжила подниматься вверх, словно зомби. Если бы родители поняли, что у меня получается противостоять их силе принуждения, то они нашли бы другой способ удержать меня от поиска правды. Вне поля их зрения я присела на корточки и прижала ухо к лестничным перилам. Нужно было узнать, почему все были так взволнованы. Здесь происходило что-то грандиозное, а я была сыта по горло второстепенной ролью недееспособного балласта с промытыми мозгами.

Скрипнула тяжелая дверь винного подвала. Мои братья отвели пленного вниз. После этого они ничего не вспомнят. К сожалению, Адам и Ник слишком легко поддавались влиянию.

– Откуда он здесь? – прошипела моя мать.

– Я не знаю. Но судя, по его способностям, он определенно не человек, – мой отец вздохнул, словно поевшись от боли. Неудивительно, ведь он тоже был ранен. – Мы втроем никак не могли с ним совладать.

– Воин? – осведомилась мама. Судя по всему, выражение лица папы было весьма красноречиво, потому что она фыркнула, затем последовал грохот, словно моя мать пнула что-

то. Мне очень хотелось рискнуть подойти поближе, чтобы за ними понаблюдать, но я побоялась. – Он использовал свою волю? – спрашивала она дальше.

– Нет, – мрачно прозвучал ответ. – Возможно, он не хотел навлечь на себя хаос. Кроме того, он наверняка знал, что дом защищен барьерами. Так что нам следует быть осторожными.

Снова закрипела дверь подвала. Я услышала шаги моих братьев и мигом поднялась выше по лестнице. Адам и Ник должны были пойти каждый в свою комнату на первом этаже и при удачном стечении обстоятельств не заметить меня.

– Мальчики, вы сегодня очень постарались с этим перевертышем, – прокричала моя мать им вслед. – Ужин через полчаса, а пока сходите в душ.

– Да, хорошо, – пробасил Адам. А я снова могла лишь наблюдать за тем, как родители врут нам. Уверена, они любили нас, но со всеми этими манипуляциями они облажались по полной программе. Стоило братьям закрыть двери их комнат, как моя мать снова понизила голос:

– Можем ли мы рискнуть, допросив его?

– Мы должны это сделать, – решил мой отец. – И лучше допросить его сейчас. Я зайду внутрь, а ты проследишь за каждым словом. В случае необходимости ты знаешь, что делать.

– Ну хорошо.

Они зашевелились и заставили меня понервничать, спуг-

нув с лестницы. Какого черта здесь творилось? Мои отец и братья были далеко не простыми соперниками. Конечно, мы не супергерои, но устройство нашего тела более совершенно, чем у обычных людей. Кроме того, парни тренировались почти каждый день. Что за человек мог совладать со всеми тремя одновременно? «Воин», как предположила моя мать? Что это значило?

Осознав свое бессилие, я решила вернуться в комнату. На самом деле мне бы следовало проследить за родителями до подвала, но испытывать сегодня удачу больше не хотелось. Я заперла дверь и села на колени перед кроватью, чтобы вытащить оттуда старый чемодан. Это было мое совершенно особенное сокровище. Со всеми этими переездами очень много вещей потерялось, а что-то непременно приходилось просто оставлять. Но этот чемодан всегда был со мной. Кроме того, маленький замок на нем давал мне ощущение какого-то личного пространства. На моей шее висела цепочка, на которой болтался медный ключик от этого замка. Я открыла чемодан и подняла его крышку вверх. Здесь нашлось место всему, что было мне так дорого. Мои первые пуанты, которые уже стали слишком малы и изношены, чтобы ими пользоваться. Старый снежный шар из Москвы. Музыкальная шкатулка из Дублина с мелодией, которую я напевала, чтобы вернуть контроль над своими действиями. Пара моих любимых книг. Плюшевый заяц, которого мне подарил Адам в день, когда мы переезжали в первый раз. Два билета в кино с моего пер-

вого и лучшего свидания. Забавная статуэтка Будды из Бангкока, напоминающая мне о том, что нужно всегда смотреть на ситуацию спокойно. И, конечно же, пара фотографий моей семьи, которые я украла, прежде чем папа сжег их. Так много воспоминаний за последние сто лет. Но сейчас мне был нужен блокнот в кожаном переплете. Туда я записывала все, что узнавала о себе, включая различные эксперименты. Кое-что из этого вызывало теперь лишь улыбку. Например, мои исследования полнолуния или попытка выпить кровь, чтобы убедиться, что ни я, ни моя семья не являлись вампирами. Мы также не могли исполнить любое желание, наши голоса не очаровывали моряков, и пристрастий к драгоценным вещам у нас тоже не было. Хотя в отношении моей сестры Дженни я порой не была уверена. Как только все известные мне мифические существа были исключены, следовало искать новые. Я изучала зарубежную мифологию и древние документы. Судя по многочисленным красным крестикам в верхнем углу каждой страницы, все это не имело никакого успеха.

Я пролистала блокнот до самого конца. Там было все, что мне в той или иной степени тайно удалось узнать через родителей.

– Не смотреть слишком долго в вихрь хаоса!

– Избегать: драки, несчастные случаи, нападения, дуэли, поля сражений, кладбища, больницы, лазареты, дома престарелых.

– Хаос преследует нас, когда мы себя выдаем. Но не дома.

Почему? Из-за барьеров? Что это?

– Перевертыши хаоса – с м е р т ь!

– Со временем мы все медленнее стареем.

– Полиглотство у нас в крови.

– Я не должна танцевать на публике, потому что нам нельзя выделяться.

– Мои родители манипулируют мной и моими братьями и сестрами.

– Сила слова вызывает неприятное чувство. В большинстве случаев. Дополнение: иногда больше, иногда меньше. Дополнение № 2: иногда совсем нет. Я так думаю. Доказательств нет.

– Я сильнее обычных мальчиков в моем классе. Дополнение: и быстрее.

– Никто из нас никогда не болел. Такое возможно?

– Члены моей семьи не похожи между собой. Мы и в самом деле родственники?

– Я должна прекратить задавать вопросы.

– Папа сказал, что туман рассеивается. (Вообще-то, я должна была забыть об этом.)

– Мои родители получают послания. От кого? (Я тайно подсмотрела.)

– Мама говорит, что во всем виновато восстание. (Вообще-то, я должна была забыть об этом.)

– Мои родители хотят домой. Где это? (Я их подслушала.)

Вздохнув, я достала из чемодана ручку и написала в блокноте:

– У нас есть пленный, он не перевертыш. (Вообще-то, я должна была забыть об этом.)

– Мои родители думают, что он «воин». (Я их подслушала.)

Я размышляла о том, стоит ли еще написать что-то о мужчине из больницы, когда услышала тихий шорох. Подняв голову, я едва не заработала сердечный приступ, потому что, несмотря на запертую дверь, в углу комнаты стоял маленький мальчик со светлыми волосами.

– Мо! – мне пришлось прижать руку к своей груди, чтобы угмонить бешеный пульс. – Не пугай меня так!

У моего младшего брата был талант бесшумно передвигаться. Но я и не думала, что он может ходить сквозь стены.

– Как ты сюда попал?

Пока он виновато жевал свою нижнюю губу, я положила блокнот в чемодан и затолкала его обратно под кровать. После этого Мо все еще не решил, что ответить. Он крепко вцепился в свой блокнот для рисования, который в его руках выглядел слишком большим.

– Там кто-то есть, – пропищал он так тихо, что мне едва удавалось расслышать его. Я удивленно нахмурилась. Обычно Мо не разговаривал, но когда все же говорил, это было для него чрезвычайно важно. В тот момент он выглядел растерянно. И это в свою очередь беспокоило меня. Я подошла

к нему и присела таким образом, чтобы наши глаза были на одном уровне.

– Где этот кто-то? – спросила я и пристально посмотрела в его изумрудного цвета глаза. Для родителей Мо был проблемным ребенком. Где бы мы ни жили, они постоянно отправляли его к новому психологу, которому, разумеется, предварительно промывали мозги. Они не понимали, что с их младшим сыном все в полном порядке. Он просто неохотно разговаривал и смотрел на мир иными глазами, нежели мы. Жизнь Мо состояла из цветов и форм, а не из слов. Но это не означало, что у него задержки в развитии.

Мо указал пальцем на пол. Теперь я понимала, что он пытался мне сказать.

– Ты имеешь в виду незнакомца в подвале, с которым сейчас мама и папа? – он кивнул и еще крепче вцепился в свой блокнот. Так, значит, Мо тоже его видел. Неудивительно, что он чувствовал себя не в своей тарелке. Мо тяжело привыкал к изменениям в его окружении, поэтому каждый переезд был для него настоящей пыткой.

– Меня он тоже пугает, – заверила я своего брата. – Но он не может ничего нам сделать.

Мне так часто хотелось обнять его, но я знала, что Мо это не нравится. Вместо этого я попыталась его отвлечь рисунками. Мой младший брат показывал их не каждому. На самом деле, только мне. Как раз об этом я хотела его попросить, когда заметила, что с ним что-то было не так.

– Где твоя коробка для карандашей? – он никогда не оставлял свои карандаши с блокнотом и везде таскал их с собой. Мо жевал свою нижнюю губу. Казалось, что он был почти в отчаянии.

– Он видел меня, – прошептал Мо. – Казалось, слова совсем не хотели покидать его рот. – А потом я убежал.

– Кто видел тебя? – спросила я более обеспокоенно. – Тот незнакомец?

Мо кивнул, и его волнение окончательно передалось мне. Я думала, что мой брат просто заметил присутствие чужака в доме. Мо часто забивался в какой-нибудь угол и сидел там смиренно, так что его не замечали или вовсе забывали о нем. Но у пленника был мешок на голове. Единственным местом, где чужак мог увидеть моего брата было...

– В подвале?

Снова кивок. О боже. Что Мо искал в подвале? И главный вопрос: как он попал туда и вышел обратно, оставшись незамеченным родителями? И тогда у меня словно завеса с глаз спала.

– Там внизу твоя лисья нора?

Так Мо называл свое убежище. Логово, что он искал и отстраивал в каждом новом доме. Там ему никто не мешал, и он мог спокойно рисовать. Иногда это была просто кладовка, иногда чердак или большой шкаф.

Я почувствовала, что мое сердце забилося чаще, когда Мо еще раз кивнул и выглядел при этом крайне несчастным. Его

положение открыло для меня прекрасную возможность. На самом деле я должна была чувствовать себя плохо, но в тот момент у меня не получалось думать ни о чем другом, кроме как об ответах, что ждали внизу в подвале.

Я улыбнулась Мо и успокоила свою совесть тем, что это была беспроегрешная ситуация.

– Давай я принесу твои карандаши? Только покажи мне, как попасть в твою лисью нору.

За очками Мо (в которых не было необходимости, они просто очень нравились ему) я увидела его детское личико. Он схватил меня за руку и потащил к моему стенному шкафу. Точнее, Мо потащил меня вовнутрь. Мой брат пробирался к задней стенке сквозь одежду и пакеты. Весь шкаф был собран из старых деревянных панелей. Я начала подозревать, к чему это вело и как он передвигался по нашему новому дому. Это подозрение подтвердилось, когда Мо нажал на вырезанную из дерева розу в стене. Ничего себе. Это было жутко. Крайне жутко. Не будь мне так чертовски любопытно, и десять лошадей не смогли бы затащить меня в эту темную пустоту. Кроме того, я уже не была уверена, захочется ли мне когда-либо снова спать в этой комнате. Я уже упоминала, что это жутко?

Мо проскользнул через узкий проход и, несмотря на мое миниатюрное телосложение, я должна была пригнуться, чтобы последовать за ним. Тьма пахла сухостью и старой пылью. Я осторожно поднялась, но тут же пожалела об этом, потому

что запуталась в огромном количестве паутины. Только благодаря железному самоконтролю мне удалось подавить крик. Я ненавижу пауков, и одна только мысль о том, сколько их кишело в темноте, вызывала у меня дикое отвращение.

Мо вел меня дальше. Если я правильно сориентировалась, то мы находились прямо за стенами коридора недалеко от лестницы. Через стыки деревянных панелей проходило достаточно света, чтобы можно было не терять из виду маленький силуэт моего брата. Он передвигался совершенно бесшумно. Без понятия, как Мо это делал. У меня же было чувство, что каждый мой шаг сопровождался скрипом.

Он остановился и отпустил мою руку. Мгновение спустя мой брат уполз вниз в вертикальную шахту, которая была явно не предназначена для людей. Старый камин? Бельевая шахта? Или там раньше был кухонный лифт? Стиснув зубы, я отправилась следом за Мо. Мои руки коснулись чего-то отвратительного. Я предпочла не представлять себе, что там могло поселиться на этой кирпичной стене. Два этажа спустя мои ноги внезапно повисли в воздухе. В панике я уцепилась за пару торчащих кирпичей. Шахта все не кончалась.

Послышался шепот Мо:

– Лестница.

Лестница? Мои ноги принялась ощупывать пустое пространство подо мной. И в самом деле, я наткнулась на что-то твердое. Боже! И это все разведаль мой младший брат в одиночку?

Деревянная лестница грозно зашаталась, но мне удалось спуститься вниз. Теперь я стояла в длинном узком помещении подвала. Здесь, внизу, было холодно и пахло затхлостью. Внутрь попадало немного света сквозь стеклянные кирпичи прямо под крышей. Мо стоял, словно вкопанный, и смотрел в темноту в другом конце подвала.

– Это там? – спросила я приглушенным голосом.

Мо не реагировал и продолжал таращиться в темноту. Мне стало ясно, что он очень боится.

– Знаешь что? – сказала я тихо. – Здесь я уже сориентируюсь сама. Как ты смотришь на то, чтобы подождать в моей комнате?

Повторять дважды не пришлось. Очевидно, Мо почувствовал облегчение. Он выглядел благодарным. Таким я его видела крайне редко. Быстро, словно маленький лисенок, он взобрался вверх по лестнице и исчез в кирпичной шахте. На какое-то мгновение я подумала о том, чтобы последовать за ним. Но, возможно, где-то там, в темноте, меня ожидали ответы на все вопросы. Так что я подавила свое нежелание и пошла дальше.

Становилось все мрачнее. Я вытянула руки перед собой, чтобы нечаянно не натолкнуться на что-то. Спустила какое-то время мои ладони коснулись грубого камня. Угол. Медленно ощупывая стену дальше, я еще дважды свернула в этом узком пространстве, прежде чем услышала странный шум. Затем появился приглушенный свет. Камень постепенно сно-

ва перешел в дерево. Но теперь оно было не отшлифованным и без резьбы. Это были грубые доски – небрежно прибитые с расщелинами, сквозь которые можно было спокойно просунуть палец. Задняя стена винного шкафа. Сквозь стекло хранимых бутылок распространялся свет, который погружал скрытый проход в золотисто-зеленоватое сияние. На полу лежала подушка, а повсюду на стенах висели рисунки и наброски природы, людей и предметов. У меня перехватило дыхание, когда я в который раз осознала, насколько талантлив был мой младший брат. Так вот как выглядела лисья нора. Неудивительно, что ему нравилось здесь рисовать. Несмотря на большое количество пыли, тут было действительно уютно.

– Начнем еще раз сначала, – прозвучал голос моего отца. Я вздрогнула, потому что в этом голосе чувствовалось столько отвращения, что я буквально физически ощутила всю его ненависть. – И на этот раз обойдемся без твоего высокомерия. Итак, кто тебя прислал?

Я заглянула в одну из щелей и увидела волосы моего отца орехового цвета. По крайней мере, на мгновение, потому что его слабо освещенный силуэт раздраженно метался из стороны в сторону, то исчезая из моего поля зрения, то появляясь снова. Казалось, что он в ярости. Таким разъяренным я видела его лишь однажды, когда мой самый старший брат Адам поставил его перед фактом, что он влюбился и хочет съехать.

Мягкий смех заставил пыльный воздух вибрировать. Это был чертовски устрашающий шум, глубокий и ясный – больше, чем просто пугающий. Определенно не то, что я ожидала от пленника.

Как можно тише я постаралась отыскать точку обзора по-лучше. Мне нужно было узнать, как выглядел человек, которому принадлежит этот смех. Но, как бы я ни старалась, нормально разглядеть незнакомца мне не удавалось. Винные бочки, бутылки и даже хрупкое дерево полки, что предоставила мне возможность наблюдать за ситуацией через расщелины, кажется, сговорились против моего любопытства. Я всего лишь могла видеть, что пленник сидел на коленях спиной ко мне. Его запястья повисли, закованные в тяжелые цепи, которые были натянуты вокруг двух массивных колонн. Казалось, что, если их затянуть немного туже, ему оторвет руки.

Пленник внезапно захрипел, корчась в цепях. Когда мой отец стал подходить все ближе к чужаку, я в ужасе зажала свой рот ладонью. Это был не первый раз, когда я видела его готовым кого-то избить. В конце концов, папа довольно часто не щадил моих братьев во время тренировок. Но здесь и сейчас было другое. Это было жестоко и рассчитано лишь на то, чтобы причинить как можно больше боли. Через какое-то время он схватил пленника за рыжие волосы и заставил наклонить голову. Я была глубоко потрясена ледяным триумфом в его голосе.

– Как думаешь, сколько ты еще выдержишь?

Вновь раздался тот жуткий смех, но на этот раз он был слабее из-за сбившегося дыхания.

– А я уже и забыл, как я вас, золотых воинов, терпеть не могу.

Слова незнакомца заставили моего отца застыть. Его лицо превратилось в злобную гримасу. Он ударил. Ударил с такой силой, что его волосы, обычно аккуратно уложенные по пробору, теперь растрепались в разные стороны.

– Кто тебя прислал? – прокричал он, пока его кулаки колотили незнакомца. На его светлую рубашку брызнула кровь. Мне пришлось закрыть глаза, потому что я не выносила этого зрелища. Как мой отец мог настолько потерять самообладание?

Между ударами голос незнакомца внезапно пронзил подвал:

– Убирайся!

Звучание одного единственного слова пробралось под мою кожу с силой, которой я не знала до этого. Ползущее щекочущее чувство было настолько мучительным, что мне тут же захотелось кататься по полу, лишь бы унять его.

Внезапно все стихло.

– Убирайся! – повторил незнакомец. – И возвращайся, когда будешь готов выслушать меня.

Между деревянными рейками я увидела, как мой отец развернулся и покинул помещение. Вдруг осознание прон-

зило меня, словно гром среди ясного неба. Этот мужчина был таким же, как мы. И он использовал силу слова с такой точностью, которая вывернула все мое нутро наизнанку. Даже мне пришлось сопротивляться желанию подчиниться его приказу, хотя эта сила была направлена на другого человека.

Теперь, когда мой отец ушел, в подвале повисла гнетущая тишина. Это была такая тишина, которую могло сотворить только одиночество. Но, по глупому стечению обстоятельств, незнакомец был не один. Внезапно мое дыхание стало невероятно громким. Я вторглась сюда и, на самом деле, мне следовало уйти как можно скорее. Но все равно у меня не получалось оторвать взгляда от незнакомца, который, казалось, был живым воплощением ответов на все мои вопросы. Он неподвижно повис на своих цепях. Голова чужака покоилась на его груди, и лишь едва заметные движения грудной клетки при дыхании говорили о том, что он еще жив. А потом его тело на мгновение застыло. Незнакомец поднял свою голову, слегка повернул ее и прислушался.

Теперь я могла немного разглядеть часть его лица. Энергично вздернутая бровь, на которой запеклась кровь. Длинные ресницы на прикрытых веках, острые скулы и... полуулыбка.

– Я знаю, что ты здесь, – сказал он тихо. Внезапно незнакомец распахнул свои темные, почти черные глаза. В них сверкали золотые пятна, будто зрачки были сделаны из кусочков тлеющего угля.

Невозможно! Я находилась в тени, спрятанная за бочками, бутылками и полками. И я не издала ни звука. Как же он увидел меня? Или он блефовал?

– Покажись! – приказал пленник, и мои руки будто сами по себе коснулись деревянных досок, словно пытаюсь опрокинуть полку. Я почувствовала силу, которая была в его словах, и ощутила противное шевеление под моей кожей. Нет, нет, нет...

«Туман и яркий свет луны —
Маленький шаг в звездную ночь...»

В панике я цеплялась за мелодию, которая так часто спасала меня и как минимум частично возвращала мне контроль над действиями. С большим трудом мне удалось засунуть руки в карманы. Мысленно я продолжала настойчиво петь, и мне в действительности удалось сделать шаг назад. По дурацкому стечению обстоятельств, я наступила на подушку, потеряла равновесие и упала. Моя голова обо что-то ударилась, и дикий грохот выдал, в конце концов, мое присутствие. Это была коробка для карандашей Мо. С трудом удержавшись от ругательства, я схватила ее и убежала.

Полированное красное дерево и огненные пропасти

Ужин был настоящей пыткой. Мо рисовал рядом со своей тарелкой. Он был на седьмом небе от счастья, когда я принесла обратно его карандаши. Анни сидела рядом с Мо. Она была в отличном расположении духа и тараторила без перебора, заваливая Ника и Адама вопросами про охоту на перевертыша хаоса. Мой отец передел рубашку и вел себя так, будто ничего не произошло. Кроме того, он выглядел непривычно бледным и обессиленным.

Последующая ночь была еще хуже, чем ужин, потому что мне потребовалась вечность, чтобы заснуть. Я часами таращилась на дверь моего стенного шкафа, забаррикадированную стулом, и убеждала себя в том, что это было сделано лишь затем, чтобы никто не смог проникнуть в мою комнату через этот жуткий потайной ход, пока я сплю. Но, честно говоря, дело было в том, что я все еще слышала в голове голос незнакомца, который приказывал мне показаться.

В конце концов прозвонил будильник, и стало понятно, что мне и в самом деле удалось поспать, просто мой организм не чувствовал себя отдохнувшим. Как это часто бывает, я проклинала наш обязательный семейный завтрак. Кому хочется подниматься в выходные уже в половине девя-

того? Как ни странно, на кухне вместо моих родителей был Адам, который как раз разбивал яйца для омлета. Как обычно, он был окружен аурой меланхолии, которая придавала ему флер меланхоличного героя. На самом деле, он никогда не относился к типу радостных парней, но с тех пор, как Адаму пришлось расстаться с девушкой, в которую он был влюблен, мой брат, казалось, страдал непрерывно. Это состояние не менялось последние семь лет.

– Доброе утро, Майя, – поприветствовал он меня стоически.

– Доброе утро! – напевала Дженни, которая воодушевленно накрывала на стол. Судя по всему, она вернулась от своей «подруги» ранним утром.

– Доброе, Джен. – Я достала столовые приборы из ящика и начала ей помогать. – Ну и как прошел ваш девичник?

Моя сестра ткнула меня своим локтем в ребра, на что яотреагировала усмешкой. Дженни была просто слишком самовлюбленной, так я не могла не поддразнивать ее время от времени. Она соответствовала типичному образу девушки-блондинки: ей нравились пастельные тона, кудри, крема для кожи и жемчужные серьги. Все это действительно не совсем мое. Может быть, по этой причине мы приходили к взаимопониманию довольно редко: например, только когда речь шла о том, чтобы прикрыть друг друга.

– Было весело, – громко сказала Дженни, предостерегающе взглянув на меня. – Мы посмотрели парочку фильмов,

ели пиццу и попкорн.

– Приберегите ваш спектакль для кого-то, кто на это купится. – Голос Адама звучал раздраженно. Неудивительно, что он знал о любовных приключениях Дженни. Как старший брат, он считал своим долгом приглядывать за всеми нами.

– То, что ты не можешь повеселиться, не значит, что я должна жить как монашка, – шикнула на него Дженни.

– Кто здесь должен жить как монашка? – спросил ничего не подозревающий Ник, неторопливо плетясь на кухню.

Дженни застонала:

– Это тебя совсем не касается!

Ник поднял руки в оборонительном жесте со своим «какого черта» взглядом и решил больше не задавать вопросов. Незадолго после этого на кухню ворвались Анни и Мо. Оба были погружены в жаркую дискуссию о Мона Лизе, что означало, что Анни говорила, а Мо пытался сбежать.

– Ну пожа-а-алуйста, тогда я буду очень тихо сидеть! – заверила моя младшая сестра.

Мо закатил глаза. Он уселся на один из кухонных стульев и продолжил работу над своим новым творением. Я удивленно вскинула брови. Это был мой портрет, выполненный углем.

– Майя-я-я, скажи ему, он должен и меня тоже нарисовать! – капризничала Анни. – Я даже тренировалась улыбаться, как Мона Лиза.

С громким звуком Адам положил тарелку с омлетом на середину стола:

– Прекрати его доставать, Анни. Мо и сам может решить, кого ему рисовать, а кого нет.

Ого, сегодня Адам был еще больше не в духе, чем обычно. Мы все сели за стол и потом... в замешательстве посмотрели друг на друга. Наши родители еще никогда так не опаздывали к воскресному завтраку.

– Мама и папа проспали? – спросила Анни, оглядывая нас всех.

Ник пожал плечами:

– Без понятия. Борьба с перевертышем хаоса была крайне напряженной. Возможно...

– Вы дрались с перевертышем хаоса?! – перебила его Дженни.

– А почему, ты думаешь, наша мать хотела, чтобы ты пришла домой? – огрызнулся на нее Адам. – Начинайте есть. Они скоро придут.

Ну, заместитель нашего папы был у руля, и, поскольку никому не пришла в голову идея лучше, мы сделали то, что он сказал.

Пока другие были заняты тостами, омлетом и, в случае Мо, кукурузными хлопьями, я спрашивала себя, не из-за пленного ли отсутствовали наши родители. В какой-то момент мне пришла в голову мысль рассказать правду своим братьям и сестрам. Они имели право знать о том, какая опас-

ность скрывается в нашем подвале. Но потом я услышала, как Ник засмеялся над какой-то шуткой Анни. Я увидела, как Дженни незаметно немного отодвинула свою тарелку, чтобы у Мо было больше места для рисования. А Адам решил скормить мне дополнительный тост, потому что заметил, что я стала есть меньше, когда узнала о болезни Зои. Это увидел только он.

Хоть мы шестеро и были такими разными, все мы являлись единым целым. И пока я не знала ничего наверняка, не стоило подвергать испытанию эту сплоченность.

– ЧТО сказал тот мальчик из твоего класса?! – гневный тон Ника заставил меня перевести взгляд на него. Он строго смотрел на Анни.

– Пожалуйста, не раздувай из мухи слона, – взмолилась наша младшая сестра и соорудила такую мордашку, которая растопила бы сердце даже самого свирепого преступника. – Уже многие заметили, что мы не похожи между собой.

– Тем не менее никто не смеет называть нашу мать тварью, – жутким голосом произнес Ник.

Я вздохнула. Это была та тема, что постоянно всплывала на каждом новом месте жительства: никто из внешнего мира не верил, что мы были родственниками. Честно признать, у белокурого Мо с его пухлыми щечками было немного общего с тощей Анни и ее оживленным характером. Дженни выглядела как кукла Барби, в то время как Ник, с его загорелой кожей и черной блестящей копной волос, походил ско-

рее на латиноамериканца. Он был довольно накачанный, но не высокий – совсем не похож на Адама, нашего долговязого великана с грустными глазами и короткими светло-каштановыми волосами. В этой компании была, конечно же, и я тоже – фарфоровая кукла с темными кудрями на голове.

Мы и в самом деле ни капельки не похожи ни на родителей, ни между собой. И никто из нас не пытался разгадать эту загадку. На самом деле тут, скорее всего, стоит поблагодарить родителей за очередную манипуляцию над нами.

Знакомый скрип привлек всеобщее внимание к кухонной двери. За ней находилась гостиная, а затем там возник наш отец. Он тащил безжизненное тело.

– Мам! – испуганно закричала Анни и собралась было подпрыгнуть. Но наш отец остановил ее, остановил всех нас.

– Оставайтесь на своих местах и не обращайтесь на нас никакого внимания.

Я плюхнулась обратно на мой стул.

«Туман и яркий свет луны...»

В то время как мои братья и сестры снова погрузились в прошлую дискуссию, я сконцентрировалась на том, чтобы противостоять приказу моего отца. Поскольку у меня не получалось сосредоточиться на нескольких вещах одновременно, я смирилась с необходимостью сидеть на месте и постаралась хотя бы не забыть увиденное. Удивительным образом в этот раз мне гораздо проще удалось противостоять манипуляции.

Краем глаза я заметила, как мой отец положил маму на диван. Он выглядел обеспокоенно и выплеснул на нее жидкость из какой-то светлой бутылочки. От этого она тут же очнулась, закричала и начала извиваться, словно была отравлена. Моему отцу потребовалась вся его сила, чтобы удержать ее на диване. Это было странно. Драматический триллер в гостиной и счастливая семья здесь, на кухне. Никто не реагировал на вопли нашей матери. Мне казалось, будто я одновременно находилась в двух разных реальностях. И лучше не становилось. Ни после завтрака, ни остаток недели.

Моя мать быстро поправилась уже к следующему утру, но каждый день спектакль начинался сначала. Родители возвращались из подвала все в пятнах крови. Либо один из них был без сознания, либо оба были полностью вне себя. Затем они делали глоток из маленькой бутылочки. Они слетали с катушек, и никто кроме меня не осознавал масштабы происходящего безумия. Из-за чрезвычайной опасности нам до сих пор ни разу не позволили пойти в школу. Мама официально освободила нас от занятий, якобы по семейным обстоятельствам.

Это привело к тому, что я, в конце концов, начала сходить с ума. Особенно потому, что Мо решил временно использовать мою комнату в качестве своей новой лисьей норы и целыми днями рисовал у меня. Поэтому я все чаще перебиралась на чердак. Мне нужно было освободить голову, а это удавалось только во время танца.

Там, на чердаке, находилось самое важное помещение для нашей семьи. После каждого переезда персональным заданием Ника и Адама было построить эту комнату. Часто она размещалась рядом с гостиной, и этим помещением был наш личный маленький спортзал. Там находился боксерский ринг для моих братьев, коврики для йоги, которой занималась Дженни и, конечно же, батут Анни. У стен стояли шкафы с оружием, рядом висели мишени, а в заднем углу покоились манекены в ожидании боевой подготовки.

Последнее было тем, на чем родители всегда настаивали для всех нас: в случае необходимости мы хотя бы в некоторой степени должны были быть в состоянии постоять за себя. Необходимое зло, которое я видела изнутри, даже если я этого не хотела.

Но сейчас речь шла не об этом. Я бросила свое полотенце на пол и поставила сверху мой магнитофон. Кому нужны враги, оружие или еще какие инструменты, если есть достаточно места и музыки? Целеустремленно я выбрала свой плейлист «Танцы весь день напролет» и установила громкость на всю катушку. На первых песнях был разогрев, а потом существовала только я наедине с музыкой. Мое беспокойство о Зои ушло. Ушла моя злоба на родителей и даже мое любопытство, которое и в самом деле заставило меня пойти в подвал через жуткие ходы. В танце выплескивались мои негативные эмоции. Я кружилась вихрем по комнате, прыгала, комбинируя пируэты с движениями хип-хопа, эле-

ментами фламенко и арабеска. В какой-то момент я схватила платок, которым было занавешено зеркало. Он развевался, колыхался, следовал за моими движениями.

Внезапно музыка прекратилась. Ник стоял над моим телефоном, согнувшись. На нем была спортивная одежда. На его руках уже красовались повязки, точно как у Адама, который как раз уже стоял на ринге.

– Эй, что за фигня? Я еще не закончила! – выругалась я на них, тяжело дыша. У нас были простые правила: кто успел, тот присел.

Ник повел плечами и завязал свои волосы в тугий хвост.

– Отец ждет тебя в кабинете. Сейчас. – Больше он ничего не сказал, просто запрыгнул на ринг к Адаму, где оба тут же принялись тренироваться.

Это неплохо подпортило мне настроение. Разозлило не только то, что меня прервали, но и то, что указы отца и мое последующее послушание были чем-то само собой разумеющимся. Ворчливо я собрала свои вещи. Мне удавалось на многое закрывать глаза, но чаша терпения переполнялась, когда у меня отнимали танцы.

Отец знал это, поэтому я не спешила переодеваться. Должен же он был увидеть, от чего он меня отвлек. Тяжелой походкой я, босая, спустилась на первый этаж и забарабанила в дверь его кабинета. Он и раньше время от времени вызывал меня к себе. При этом речь почти всегда шла о каких-то пустяках вроде слухов, правил поведения во время смены де-

сятилетия или о моей задаче быть примером для Мо и Анни.

– Входи, – к моему удивлению, прозвучал голос матери. Это было что-то новенькое и могло значить только то, что на этот раз речь пойдет о чем-то серьезном.

– Закрой дверь, – сказал мой отец. – И сядь.

Ощувив в груди неприятное чувство, я выполнила его указания. Моя мать стояла возле окна и не спускала с меня глаз. Так же, как и папа, который сидел за столом скрестив руки и ждал, пока я сяду на стул напротив него.

– Я не собираюсь ходить вокруг да около, Майя. Нам нужна твоя помощь. – У него было серьезное выражение лица. Судя по всему, сложившаяся ситуация ему очень и очень не нравилась.

– Помощь в чем? – спросила я настороженно.

Мой отец стряхнул частичку пыли со своего стерильно чистого стола. Как бы ни был спроектирован и обставлен его кабинет, порядок внутреннего интерьера всегда был на высоте.

– Нам нужно, чтобы ты помогла с нашим гостем, что сейчас находится в подвале.

Я моргнула пару раз в полном ошеломлении. Мой отец только что добровольно рассказал мне о своем пленном?! И как же мне следовало реагировать в этой ситуации? Или это значило, что он раскусил меня?

– Ээ? – было единственным, что я смогла выдать из себя.

Моя мать вздохнула:

– Даже не пытайся это отрицать. Нам известно, что ты знаешь о нем.

Это заставило меня остолбенеть. Если бы они оба нацепили клоунские носы и станцевали вместе танец маленьких утят, это бы не смогло сбить меня с толку еще больше.

– Мы уже давно знаем о том, что ты способна противостоять нашей воле, – пояснил мне папа. – Следовательно, это был лишь вопрос времени, когда нам пришлось бы тебе рассказать всю правду.

– Я вся во внимании, – на стуле я сидела прямо и таранилась на них. Вот-вот мне должны были открыться ответы на все мои вопросы. Но мой отец тут же разрушил всю надежду.

– Сначала ты должна нам помочь. В настоящий момент мы все в большой опасности. Мы расскажем тебе правду, но только тогда, когда наша крайне неблагоприятная ситуация будет разрешена.

Это звучало подозрительно и было похоже на отвлекающий маневр, но я кивнула:

– Что мне нужно сделать?

– Противостоять воле пленного так же, как ты противостояешь нам. Мы должны узнать, зачем он здесь, и ты разузнаешь это от него.

Его воле? Речь шла о силе слова? Об этой воле? Часть головоломки, которая только что открылась, очень взволновала меня. Я стояла, словно пораженная громом, и только че-

рез несколько мгновений поняла, о чем меня просили родители.

– Я должна его... допросить?

Судя по всему, ужас и смятение были написаны у меня на лице, потому что в какой-то момент я почувствовала руку моей матери на плече.

– Не бойся. Мы будем рядом с тобой.

Ну ничего себе. Это было самое большое проявление материнской заботы, что я когда-либо получала от нее. И все же из ее уст эти слова звучали фальшиво, как будто кто-то принудил ее это сказать. Что здесь творилось? Они пообещали мне правду, и они знали наверняка, что я пойду ради этого на все. Появилось нехорошее предчувствие. Но разве у меня был выбор?

– Когда? – осведомилась я.

– Лучше сделать это как можно скорее, – провозгласил мой отец и привстал. – Но для начала тебе следует переодеться. Он указал на мой танцевальный топ и легинсы. Я закатила глаза. Разумеется, я не собиралась в таком виде идти в подвал. Кроме того, там, внизу, царил собачий холод, и у меня не было ни малейшего желания представлять в таком виде перед чужаком – вспотевшей и с голым животом.

Спустя некоторое время я стояла в джинсах и в свободной кофте перед дверью в подвал, которая вела к помещению со старыми винными бочками. Мои руки дрожали, но это не имело никакого отношения к холоду. И чего это я так нерв-

ничала? За этой дверью был всего-навсего связанный мужчина, которому мне предстояло задать пару вопросов. Затем я, наконец, узнаю всю правду. Разве это не то, чего я всегда хотела?

– Входи! – послышался в ухе голос моего отца. Связь через радиопередатчик работала безупречно и успокоила меня, позволив схватить дверную ручку и открыть дверь.

Винный погреб был освещен ярким золотым светом несколькими тусклыми лампочками. При других обстоятельствах его можно было бы даже охарактеризовать как романтический, но в тот момент золотой свет старых лампочек напоминал скорее факелы в какой-нибудь темнице. Пленный все еще стоял на коленях, повиснув между двумя колоннами. Мне пришлось стиснуть зубы, чтобы от одного его взгляда не вскрикнуть от ужаса. Выглядел пленник ужасно. Его рубашка – или что там было в тот раз на нем – состояла из окровавленных клочков. Под ней красовались бесчисленные царапины, колотые раны и гематомы на различных стадиях заживления. И как ему еще удавалось оставаться в сознании? Стоять при этом на коленях прямо? Да, незнакомец был молод и силен, но целая неделя пыток в ледяном подвале должна была его как минимум немного измотать.

Он медленно поднял свою голову. Пара прядей темных рыжевато-бурых волос упала на его лоб. Они выглядели как мягкие волны из полированного красного дерева. Я и не думала, что такой цвет волос и в самом деле существует – ну,

не считая окрашивания с помощью L’Oreal, Syoss, Garnier и других марок красок. И, поскольку у меня, хоть убей, не получалось себе представить этого типа за покупкой краски для волос, это, должно быть, был его натуральный цвет.

Затем показалось лицо, которое я с полной уверенностью могла охарактеризовать как самое красивое, что мне когда-либо встречалось. Под красотой я имела в виду не симметрию или пропорции, хотя и в этом плане незнакомец не был обделен. Нет, я имела в виду твердость его черт, которые смешивались с мягкими линиями и становились чем-то живым, что шло в противоречие с его выражением лица. Даже ранения и борода, что выросла за неделю, не делали его лицо менее привлекательным. Напротив, они делали его более настоящим. Завораживающее доказательство того, что это совершенство – не просто плод моего воображения. И тем не менее все это забылось, стоило незнакомцу открыть глаза. Две огненные пропасти развернулись передо мной, словно адские глубины: черные или, может, темно-карие. Трудно было судить об этом в таком сумеречном освещении. Но было кое-что другое, от чего у меня перехватило дыхание. В темных радужках – особенно вокруг зрачков – светились золотые крапинки, словно янтарные звезды в крошечной ночи. Или словно лава, что грозила вот-вот вырваться из глубины его глаз. Таких глаз я еще никогда не видела. Они скользили по моему лицу, мокрым после душа кудрям, шерстяному свитеру, джинсам и кроссовкам. С каж-

дым сантиметром, что они покрывали, в них все ярче и ярче загоралось плутовство. Его мягко изогнутые губы растянулись в неприязненной улыбке.

– Трусишка, – сказал он с большей силой в голосе, нежели можно было ожидать в его состоянии. – Вы что, думаете, я побоюсь сломать одного из них?

Его слова были обращены в пустоту. Он знал, что мои родители слушали. Тем не менее было ясно, что под «одним из них» пленник имел в виду меня. Мне так хотелось его спросить, что бы это значило, но я должна была придерживаться плана. Иначе говоря, голос в моем ухе начал раздавать указания:

– Начинай задавать вопросы. – проговорил мой отец.

Ну хорошо. Сделаем это. Я постаралась придать своему голосу как можно более решительный тон.

– Что ты здесь ищешь?

Адские глаза цвета ночного неба начали сверлить меня с новым интересом. Незнакомец немного наклонил свою голову, словно он был удивлен, что я решилась с ним заговорить.

– Ты выглядишь напуганно, – заявил пленный. Дело в крови или в том, кто ее пролил?

Ну хорошо. Теперь меня раскусили.

Он выдался более устрашающим собеседником, нежели я себе представляла. И, за исключением того, что его внимание заставило мое тело прийти в боевую готовность, вопрос незнакомца подпитывал мои крошечные сомнения, которые

я пыталась подавить в течение последней недели. Мой отец был тем, кто так избил его. После такого затруднительно выставить нашу семью жертвой в этой истории.

– Не позволяй ему тобой манипулировать! – послышался голос моей матери по радиации. Вздохнув и собравшись с духом, я повторила:

– Что ты здесь ищешь?

Незнакомец снова улыбнулся. На этот раз дружелюбнее, тень изнеможения мелькнула у него на лице.

– Я ничего здесь не ищу. Я жду.

– Ждешь чего? – тут же спросила я. Молчание моих родителей, вероятно, означало, что они были согласны с этим.

– Ты узнаешь, когда придет время, – ответил пленник, веселясь, и зловещий тон в его голосе вызвал у меня мурашки по коже. Мышцы его рук напряглись, как и цепи, когда он наклонился и тихо добавил:

– Обещаю.

От его обжигающего взгляда между нами начал нагреваться воздух. Становилось все труднее дышать.

– Спроси его, как он нашел нас! – пролаял мой отец через радиосвязь.

Я последовала его инструкциям, словно мной двигал пульт дистанционного управления.

– Как... как ты нашел нас?

Незнакомец расслабился, вздохнув, что очень напоминало разочарованный рык. Цепи зазвенели, когда груз на них

ослаб.

– Чтобы найти, нужно искать. А я, как уже до этого было сказано, ничего здесь не ищу.

Передачик в моем ухе затрещал. Я услышала ругань родителей, затем все стихло, затем снова послышался треск. Судя по всему, они были в чем-то не согласны.

– Ну разве это не странно? – пробормотал пленный. Резкость в его голосе теперь полностью исчезла. Теперь его теплый баритон будто укрывал мои замерзшие чувства соблазнительным одеялом.

– Эти цепи недвусмысленно свидетельствуют о том, что я здесь пленный. И тем не менее... – он заговорщицки сверкнул глазами. – Может быть, все совсем не так.

Прежде чем я смогла обдумать это, мои родители появились снова:

– Спроси его, почему он здесь.

Я попыталась игнорировать моего отца. Сначала мне нужно было привести в порядок свои спутанные мысли. Что именно этот тип имел в виду, сказав, что все может быть совсем не так? Да, я чувствовала себя пленницей в этой семье. Но он не мог знать этого.

– Спрашивай! – я вздрогнула от приказа, что прокричал мой отец. Конечно же, незнакомец не мог этого не заметить, что заставило меня чувствовать себя еще более уязвимой.

– Почему ты здесь? – прохрипела я с комом в горле.

– И зачем мне отвечать хотя бы на один из этих вопро-

сов? – спросил он в ответ.

Мое сердце начало бешено колотиться. Я была разорвана изнутри. Не было ни единой причины доверять этому незнакомцу. На самом деле он пугал меня до чертиков. Но что-то во мне понимало, что он не лгал. В отличие от моих родителей, что делали это десятилетиями. Так что я встрети-лась взглядом с незнакомцем с большим мужеством, нежели могла от себя ожидать, и тихо произнесла:

– Потому что я готова тебя выслушать.

На долю секунды его сияющие, словно звезды, глаза сузились. Затем широкая ухмылка обнажила два ряда безупречных зубов. Он понял. Понял, что я намекала на его манипуляцию моим отцом. Понял, что я была той, кто подслушивал его в первый день здесь, в подвале.

– Ну вы только посмотрите...

Теперь все его внимание было полностью приковано ко мне, и мне это очень и очень не нравилось. Даже казалось, будто заключенный допрашивал меня, а не наоборот. Но как раз в тот момент, когда я начала сожалеть о своей открытости, его лицо стало снова серьезным и даже уставшим.

– Я здесь потому, что другим до меня это не удалось. Они пали от рук тех, кто желает и вашей смерти тоже.

Наконец-то что-то конкретное. Это все еще звучало для меня, как какая-то головоломка, но с этим хотя бы уже можно было работать.

– Перевертыши хаоса? – спросила я.

– Майя, молчать! – прокричала моя мать через радиосвязь. Настолько громко, что мне пришлось схватиться за ухо от боли.

Пленный удивленно наблюдал за мной. Его энергичные брови нахмурились.

– Они и правда вам ничего не рассказывали? – трудно было не услышать негодования в его голосе.

– Не верь ни единому его слову! – моя мать продолжила кричать. Дальше вмешался и мой отец:

– Спроси, кто послал его сюда!

– Кто...

– Нет! Уходи оттуда! – грозно велела моя мать.

Незнакомец разрешил дилемму.

– Они должны защищать тебя, и что они делают? Бросают тебя ко мне на съедение.

Он покачал головой, а затем опасная, ледяная, самодовольная улыбка снова скользнула по его лицу.

– Уходи! – велел он. Его голос проник мне под кожу и подчинил своей воле. Ползущий скрежет ощущался не так отвратительно, как в последний раз, но это все равно было крайне неприятно. – Иди, принцесса! Ты пока что совсем не готова меня выслушать.

Мне хотелось ему возразить, хотелось поддаться своему любопытству. И я знала, что была в состоянии сопротивляться его приказу.

Но не сделала этого.

Два слова, которые изменят все

Ночь была просто ужасной. Я лишь ворочалась в кровати, но уснуть так и не смогла. Меня преследовали черные глаза со звездными вкраплениями. Почему незнакомец меня прогнал? Почему я ушла? Что он имел в виду, когда сказал, что я не готова? Кто собирался убить нас? Почему мои родители так боялись его? Да кто вообще такой этот тип с пугающими глазами? Меня чертовски напрягало то, как он теперь бесповоротно завладел моими мыслями. Похоже, дело было в том, что моя жизнь до его появления была разочаровывающе скучной и пустой. Только Зои и ее освежающие взгляды на мир давали хоть какое-то разнообразие. Я едва ли могла написать своей подруге о том, что мои родители держат в подвале таинственного пленного, так что мне пришлось остаться со своими заботами наедине.

Моя семья находилась в опасности. Об этом сказал и папа, и тот незнакомец, и меня не отпускало чувство, что я должна была что-либо предпринять. Только что? Родители так и не просветили меня.

Вообще, вернувшись из подвала, я ожидала, что они будут злиться на меня. Ошибочное предположение. Мама даже обняла меня! Моя мать!!! Но были еще слова папы, которые не давали мне покоя: «Не переживай, Майя. Еще пара дней без еды и воды, и он будет умолять меня позволить ему

рассказать всю правду».

Еще пара дней?! Это означало, что незнакомец с момента попадания в плен еще не получил ни какой-то еды, ни капли воды. Как только могли мои родители выкинуть что-то в этом духе? В конце концов, он же ничего нам не сделал.

Около трех часов ночи стало ясно, что выносить это больше у меня нет сил. Я скинула с себя одеяло и юркнула в одежду, которую не жаль было бы испачкать. Затем я собрала еще пару вещей и отодвинула стул, которым был забаррикадирован стенной шкаф. Адреналин носился по моим венам. Здравый смысл сопротивлялся принятому решению, но я знала, что в противном случае жалела бы о своем бездействии. Так что я включила фонарик на телефоне и забралась в шкаф. Посреди ночи эти тайные ходы были еще более жуткими, чем при свете дня. С одной стороны, в доме стояла звенящая тишина. С другой стороны, благодаря свету я теперь могла отчетливо видеть, что находилось в этих старых каменных стенах. Паутина и многочисленные отвратительные ползающие жучки были только верхушкой айсберга. Намного страшнее мне показалась покрытая пылью кукла из прошлого столетия, которая валялась на полу, или следы когтей на кирпичах вентиляционной шахты. Мне вовсе не хотелось знать природу их происхождения. Дойдя, наконец, до лисьей норы Мо, я могла выключить фонарик на телефоне, потому что в винном подвале все еще горели золотистые лампочки. Этого следовало ожидать. Вряд ли бы мои родители позво-

лили ему отдыхать ночью, раз они уже лишили его еды.

Но у меня возникла новая проблема. Винные полки, которые отделяли меня от другой части помещения, были массивными и привинчены к полу. Даже если здесь и был спрятан какой-нибудь механизм, открывающий потайную дверь, я его не нашла. Так что мне пришлось импровизировать. Одна из досок задней стены была слабо прибита. Сначала я пыталась действовать осторожно, но, в конце концов, сдалась и оставила свои попытки не шуметь. Так я могла разрушить эффект неожиданности, но, по крайней мере, мне бы не пришлось напрасно рвать на себе одежду. Через некоторое время попыток тянуть и тащить мои руки выглядели словно кактус, но доска, в конце концов, уступила. В итоге я плюхнулась на задницу, в то время как вся полка задрожала, чем заставила зазвенеть бутылки. Высший пилотаж...

Я прислушалась к происходящему в подвале. Не было ни единого звука. Похоже, пленный либо спал, либо принял меня за крысу. За очень большую сквернословящую крысу...

Я быстро прибрала нижнюю полку через образовавшуюся щель и перебросила туда свою сумку. Затем я протиснулась, протолкнулась и проползла в винный подвал. При этом наглотавшись пыли и проделав кучу дыр в свитере, но в итоге у меня все получилось. Итак. Что теперь?

Мне и самой с трудом верилось в то, чем я тут занималась. В моей голове этот план казался чем-то героическим. Теперь же я просто чувствовала себя глупо. Что мне стоило сказать

этому типу? Что меня внезапно сразил прилив сочувствия? Пожав плечами, я отодвинула свои сомнения прочь и решила довести дело до конца. Когда все раскрылось бы, мне, вне всяких сомнений, грозила бы грандиозная взбучка от родителей. Это было все равно неизбежно, ведь одна только пытка пленного была веским поводом, чтобы попробовать хоть как-то сгладить нашу вину. Ну, по крайней мере, я могла с чистой совестью ввязаться в этот конфликт. Кроме того, дело было не только в том, что мне хотелось соответствовать собственным моральным стандартам. Мне нужно было что-то разузнать, даже если бы незнакомец ничего в итоге не сказал. Наблюдение и заключение. В конце концов, не просто же так я являлась фанаткой Шерлока.

Я тихо приблизилась к пленному сзади. В первую очередь в глаза мне бросился размах его рук. Они были накачанными и сильными. Не как у неуклюжих бодибилдеров, а, скорее, как у какого-нибудь атлета. И даже если незнакомец создавал впечатление довольно самовлюбленного человека, его мышцы были выращены не на тщеславии. Без сомнений, он пускал их в ход регулярно и при этом, судя по всему, крайне эффективно. Мои родители предположили, что он воин... Какое бы глубокое значение это ни имело, само название было более чем емким. На затылке и висках его густые волосы цвета красного дерева были короче. Возможно, ради практичности.

Тем не менее его одежда заставила меня задуматься. По

крайней мере, то, что от этой одежды осталось. Черные штаны, сапоги и несколько слоев рваной ткани, которые некогда, скорее всего, выглядели как туника. Определенно в стиле ретро. А ткань я не могла определить даже при всем желании.

— Если ты и дальше продолжишь рассматривать меня сзади, у меня сложится впечатление, что тебе нравится то, что ты видишь.

Я застыла в смущении. Кровь ударила мне в лицо. Я уже было набрала полную грудь воздуха, чтобы возразить, но потом мне стало ясно, что он просто хотел меня спровоцировать. Мне были действительно хорошо знакомы подобные высказывания, — что-то такое я слышала от нескольких мальчиков в разных школах в течение нескольких лет. Ко мне так часто приставали, бросали вызовы, оскорбляли или травили, что подобные глупости обычно не были способны вывести меня из себя. Однако здесь и сейчас были не какой-то бестолковый мальчик и не какая-то бестолковая ситуация. Я только что нарушила дюжину правил и находилась на тонком льду, связанная по рукам и ногам.

Спустя секунду ступора ко мне пришла решительность, чтобы кое-что на это все же ответить. Он должен был знать, что я далеко не такая беспомощная, как могло показаться сегодня днем.

— Ну что же, первое впечатление могло быть неправильным. Это понятно, что такие шмотки, что на тебе, сейчас в моде. Но мне хотелось бы чуть меньше крови и немного

больше гигиены, прежде чем вообще я стану раздумывать о том, нравится ли мне что-то у тебя там сзади или нет.

Я решительно обошла его и... застыла. Мне уже думалось, что придется обороняться против его пронзительного взгляда, но свежая рваная рана на его лбу сбила меня с толку. О нет. Очевидно, мой отец приходил сюда еще раз после того, как я ушла. И в этот раз он выразил свой гнев не только кулаками. Ярко-красная кровь не переставая сочилась из раны и капала на пол, но это не мешало незнакомцу ответить мне, забавляясь:

– Я это запомню, – пообещал он.

Наши взгляды пересеклись, и у меня возникло чувство, что он читал меня, словно открытую книгу. Он видел мою нервозность, шок от действий моего отца и мои угрызения совести. И, казалось, он наслаждался всем этим.

Моя спина и руки покрылись мурашками. Но я тем не менее постаралась сконцентрироваться на самом главном.

– Здесь есть немного воды, – неуклюже я положила мою сумку на столик для дегустации и достала из нее оттуда свой термос. Это была просто вода из-под крана, потому что мне не хотелось рисковать разбудить кого-то своим ночным походом на кухню.

– И что ты хочешь взамен? – спросил незнакомец, пока я откручивала крышку термоса и наполняла ее до краев. Насмешка в его голосе была такой же кусачей, как сибирская зима. Можно было прекрасно понять его недоверие, тем бо-

лее мои родители в полной мере приложили к этому руку.

– Ничего, – пробормотала я и осторожно преподнесла ему кружку, стараясь не расплескать ее содержимое. Стоило мне приложить кружку к его губам, как пленный отпрянул и скептически посмотрел на меня.

Я вздохнула:

– То, как мои родители обращаются с тобой, – неправильно.

Стоило этим словам сорваться с губ, как я осознала, что совершила ошибку. Судя по нахмуренным бровям незнакомца, он не знал, что я была дочерью его тюремщика. У меня не было ни малейшего понятия, что он должен был делать с этой информацией, но существовала одна вещь, которую я четко себе уяснила за последние десятилетия: каждая маленькая деталь может быть важна. Я прокляла себя за необдуманность моих действий и решила впредь быть осторожнее.

– Твои родители, значит... – пробормотал незнакомец.

– Да, мои родители. – Я дерзко пожала плечами, стараясь при этом не разлить воду. – Можешь прислать нам открытку на Рождество, как выберешься отсюда.

Мой сарказм пленный воспринял с пренебрежительным фырканьем. Но что-то изменилось в том, как он смотрел на меня. Мне был знаком этот взгляд. Как правило, так смотрели взрослые, для которых я была всего лишь ребенком, а не равным им собеседником. Ничего так не выводило меня из

себя, как это. В конце концов, я была в несколько раз старше, чем большинство взрослых, с которыми мне доводилось пересекаться. И, хотя я уже успела к этому привыкнуть, по каким-то причинам меня нервировало то, что этот незнакомец, закованный в цепи, не воспринимал меня серьезно.

– Так ты хочешь пить или нет? – спросила его я. Уголки его рта приподнялись, но в его глазах сияла жесткость, заставившая меня содрогнуться.

– Сначала ты, – попросил он тихо.

Я нахмурилась:

– Думаешь, я ее отравила?

Ноль эмоций. Только холодный блеск в его глазах. Он, должно быть, обладал чудовищным самоконтролем, раз смог спустя целую неделю без воды устоять и не припасть тут же губами к прохладной жидкости.

Покачав головой, я сделала то, что он просил, и демонстративно сделала большой глоток.

– Доволен?

Он улыбнулся и кивнул с таким милосердным видом, будто сделал мне одолжение. Я поборола желание просто выплеснуть ему воду в лицо и поднесла кружку к его губам. Незнакомец отпил. Без спешки или жадности. И все это время он смотрел на меня. С каждым глотком я чувствовала себя все более неудобно. Но почему вдруг? Незнакомец был связан, беспомощен и зависел от моей благосклонности.

«Может быть, все совсем не так...»

Его слова...

Мои инстинкты будто с ума посходили и били тревогу так громко, что мне захотелось тут же сбежать. Как только он закончил, я удрала к своей сумке.

– Еще я принесла тебе поесть, – пробормотала я, выскивая крекеры, которые упаковала ранее.

– Не стоит. Воды достаточно.

В ошеломлении я обернулась. Почти готова поклясться, что увидела тень отвращения на его лице. И правда! Да, это были всего лишь крекеры, но если бы я несколько дней ничего не ела, то съела бы даже картонную коробку за милую душу. Но если ему так хочется голодать – на здоровье.

– Для человека в столь затруднительном положении, как у тебя, ты слишком придирчив, – сказала я обидчиво неблагодарному типу.

Он рассмеялся:

– Откуда тебе знать, что я не как раз там, где хочу быть?

Да, определенно! Его высокомерие зверски выводило меня из себя, и я была близка к тому, чтобы дать ему оплеуху подходящим ответом. Но кое-что сдерживало меня. Тихий голосок в моей голове предупреждал о том, что его слова могли быть не просто надменным блефом. Он намеренно позволил взять себя в плен? Не может быть... или?

Раздраженная собственной неуверенностью, я бросила на стол набор первой помощи, который в последний момент засунула в свою сумку перед уходом. Обычно я использовала

его для того, чтобы обработать раны братьев. Благодаря нашим родителям каждый из нас знал основы оказания первой помощи. Кроме того, Адам и Ник почти всегда приходили ко мне, когда они снова разбивали друг об дружку себе головы. Они оправдывали свои визиты тем, что после моей работы оставались самые незаметные шрамы. Хотя, возможно, мои братья просто ценили то, что я была не такая, как Дженни или наши родители, – я не высмеивала их за нытье.

Незнакомец следил за каждым моим движением. Когда я приблизилась к нему с дезинфицирующим спреем и парой компрессов, в его глазах впервые читалось что-то в духе вполне искреннего удивления.

Я указала на его лоб:

– Можно?

– Они узнают, что ты была здесь, – подметил он.

Я сразу поняла, кого он имел в виду. И в самом деле, мои родители пришли бы в бешенство, узнай они о моей самаритянской вылазке. Но навряд ли дезинфицирующее средство могло сделать положение дел еще хуже.

– Я это понимаю, – ответила я сухо и стала осматривать его лоб, не ожидая больше его разрешения. По иронии судьбы, то, что он стоял на коленях, было идеальным положением для того, чтобы лечить незнакомца. Я осторожно убрала его волосы из раны. Они были почти такого же цвета, что и запекшаяся на них кровь. Незнакомец ни на секунду не спускал с меня глаз.

– А еще они найдут твое тайное убежище.

Это звучало как предупреждение из лучших побуждений, хотя его тон был слишком безучастный, чтобы сойти за заботу.

На этот раз я не позволила себе угодить в ловушку и умолчала информацию о том, что убежище принадлежало вовсе не мне. С Ником и Адамом незнакомец был уже знаком, так что я не хотела втягивать сюда еще и Мо. Вместо этого я крайне наигранно стала сокрушаться:

– О нет! Об этом я не подумала! Как же мне теперь дальше жить без ежедневных вылазок через пыльный подвал?!

Этим я заставила своего пациента рассмеяться.

– Понял. Так ты просто случайно пробежала мимо, словно маленький котенок, ищущий приключений?

Я фыркнула. Серьезно? Что это было за дурацкое сравнение такое?

Покачав головой, я принялась оттирать кровь с его лба и затем продезинфицировала рану. Она была относительно длинной, но не особо глубокой. На его месте мои братья уже начали бы ныть. Незнакомец же и глазом не моргнул. И снова маленькая деталь, которой я могла пополнить исследовательский лист. Точно как и его возраст. По внешним признакам незнакомцу можно было бы дать чуть за двадцать. Но если он был действительно как мы и я правильно подсчитала, то, значит, ему было уже далеко за двести лет. Также в мой список попал узкий шрам, что я обнаружила, смыв всю

кровь.

Он проходил диагональю через бровь незнакомца и немного продолжался на его скулах. Должно быть, когда-то это было тяжелым ранением, и едва можно было поверить, что причиной его возникновения стал несчастный случай...

Сквозь мои пальцы я видела блестящие темные глаза. Золотые крапинки в них были вблизи еще более завораживающими. Это и правда выглядело так, словно его глаза светились изнутри.

– У тебя есть имя? – спросила его я. Настало время идти в наступление. В конце концов, не могла же я вечно оставаться здесь внизу.

– У меня много имен.

Это безумие. Его самодовольное поведение медленно начинало меня бесить. Если он не хотел мне ничего рассказывать, он мог бы просто помолчать, не так ли?

– Речь не об оскорбительных прозвищах, – пробормотала я надменно, пока осматривала его голову на предмет наличия переломов. Поскольку он, похоже, снова издевался надо мной, я завершила осмотр несколько грубее, чем делала это обычно. Мой пациент отреагировал тихим шипением. Ага, значит, он был в состоянии чувствовать что-то такое, как боль. Удивительно, незнакомец не стал сыпать на меня обвинениями.

Совсем наоборот, он выглядел так, словно моя импульсивность ему даже понравилась – словно ему бросили вызов.

– В таком случае тебе можно называть меня Ноаром.

Значит, Ноар...

Погодите-ка! Мне... можно было называть его Ноаром?!

Я потрясенно пялилась на него. Связанный и раненный тип вел себя как хозяин дома. Это чертовски злило и в то же время заставляло меня чувствовать такое смущение, которое я никогда не испытывала до этого. Он заставлял меня чувствовать себя невероятно наивной в его присутствии. И это чувство очень мне не нравилось.

Чтобы снова прийти в себя, я сконцентрировалась на своем задании. Так что я достала из своего набора для первой помощи пару стягивающих пластырей и начала соединять ими края его раны.

– Ладно, Ноар, – его имя я выделила особым ударением, ведь я не знала, действительно ли так его звали. – Ты здесь, потому что ты хочешь быть здесь. И ты ждешь чего-то, о чем я узнаю, когда придет время. И все это потому, что кто-то потерпел неудачу, а кто-то другой преследует нас.

Краткое обобщение того потока информации, которым он любезно одарил меня.

Ноар выглядел абсолютно непроницаемо:

– Совершенно верно.

– Ага. А цепи и пытки тоже являются частью твоего плана? – спросила я язвительно.

Он пожал плечами – по крайней мере настолько, насколько позволяли ему цепи:

– Необходимое зло, если хочется занять место в первом ряду.

Приклеивая последний стягивающий пластырь к ране, я обдумала его ответ и пришла к выводу, что он лжет. У меня все еще не было ни малейшего понятия о том, как именно работала сила слова или все эти штуки с подчинением воли, но, вне всяких сомнений, он мог меня принудить освободить его.

– Почему бы тебе просто не приказать мне снять твои окувы? Тогда ты бы мог расслабиться на диване в ожидании... чего угодно.

Ноар долго рассматривал меня своими глазами, сияющими, словно звезды. Он не велся на провокации, и ущемить его гордость тоже было нельзя. Вместо этого на его полных губах заиграла скользкая улыбка:

– Потому что у тебя нет ключа.

Я подавила раздраженный стон. Казалось, что просто невозможно вытянуть из него хоть что-нибудь полезное. Ну, по крайней мере, он не отрицал свои способности...

Пока я складывала мои вещи обратно в сумку, я почувствовала, как моя решимость одержала верх. Если бы родители узнали, чем их дочь занималась в этом подвале, я бы отхватила взбучку по полной программе. В этом случае сожаление не должно меня обременять – даже если при этом мне придется показать свою слабую сторону. Задав этот вопрос, я больше выдала бы информации о себе, нежели узна-

ла бы о нем.

– Ладно, Ноар. – Я скрестила руки на груди и посмотрела на него решительно. – Я знаю, что для тебя это, скорее всего, прозвучит нелепо, но теперь я тебя спрошу о чем-то, что для меня очень важно, и прошу тебя искренне ответить.

Брови Ноара медленно поднялись:

– Хмм... – этим задумчивым и приятным звуком он, казалось, заставил меня растаять. Затем последовали едва заметное движение головой и, наконец, его вердикт:

– Они тебя на куски порвут.

Я растерянно заморгала:

– Кто?

Но Ноар потерял интерес к разговору. Он закрылся, стал отталкивающим, холодным.

– Оставь свой вопрос при себе и наслаждайся временем, что тебе еще осталось, – сказал он жестко и опустил свой взгляд, словно отнял у меня таким образом право допрашивать его.

– Но я не хочу оставлять мой вопрос при себе, – прокричала я расстроено. – Я хочу, наконец, получить ответ! – паника охватила мое сердце своими ледяными пальцами. Я не просто хотела получить ответ, я нуждалась в нем. Было невозможно теперь просто вернуться в мою комнату и продолжать себя вести как прежде. – СКАЖИ МНЕ, ЧТО Я ТАКОЕ?

Глаза Ноара расширились. Он открыл рот и тут же закрыл

его. Его челюсти работали в то время, как он пытался вернуть себе контроль. И вдруг он стал так же закрыт, как раньше.

– Что ты такое? – его голос звучал отстраненно. На самом деле складывалось впечатление, что он говорил сам с собой. – Беспомощный котенок в пещере шендаи.

– Что?

По дому пронесся крик. Это был голос Дженни. Я услышала, как разбилось стекло. Что-то там было очень и очень не в порядке. Я подбежала к двери, но она была заперта с другой стороны. Сквозь массивную древесину послышался скрип. Быстрые шаги. Тяжелые шаги. Снова крики, на этот раз каких-то мужчин.

– Отойди от двери, – велел Ноар спокойно.

– Ты знаешь, что там происходит?

Тень пала на его лицо.

– Я же тебе говорил – ты поймешь, когда все случится.

Мои мысли перемешались. На нас напали. Что-то врезалось в дверь снаружи. Кто-то засунул ключ в замок. Пытаться бежать через потайной ход было уже слишком поздно. В панике я осмотрелась вокруг в поисках чего-либо, чем я смогла бы обороняться, и нашла только старый штопор. Когда я сжала деревянную ручку в кулаке, металлическая спираль торчала между моими пальцами. Получился видоизмененный кастет. Ник бы гордился мной.

– Отойди от двери! – повторил Ноар, на этот раз более

настойчиво.

Я проигнорировала его и встала в стойку рядом со входом, когда дверь распахнулась и через нее протиснулись две переплетенные фигуры. Я узнала блондинистый конский хвост моей матери, которая боролась за свою жизнь, словно фурия. Не колеблясь, я бросилась на нападавшего. Он был огромный и носил темную шерстяную шапку. Я воткнула штопор ему в спину. Но зимнее пальто нападавшего было слишком плотным, чтоб серьезно ранить его. С яростным рычанием он бросил меня через всю комнату. Старая бочка затормозила мое приземление. При падении воздух вышибло из легких. Боль пронзила позвоночник. Я услышала крик моей матери. Размыто я увидела, как ко мне приближались грязные сапоги. Разум понимал, что мне нужно подняться, но мышцы отказывались меня слушаться. Я попыталась подняться, опираясь на бочку, и мне потребовалось две попытки, прежде чем это удалось. Затем я увидела, как нападающий перевернулся. В его спине торчал кухонный нож. Над ним стояла моя мать. Ее темно-синяя пижама была вся в крови, но не вся эта кровь принадлежала мужчине на полу.

– О боже... – прошептала я и бросилась к ней. Ее колени подкосились. Я осторожно уложила ее на пол. Она держалась за живот. Сквозь ее пальцы сочилась ярко-красная кровь. О нет! Мне нужны были компрессы, жгут, что угодно! Но мама схватила мои руки так сильно, что это даже причиняло боль.

– Они... твоего отца...

– Нет! – я вырвалась из ее хватки и попыталась остановить кровотечение. Но мама нащупала мое лицо, так что мне пришлось посмотреть ей в глаза. В них отчетливо читался факт, что сдавил мне горло.

Она умирала.

– Не скорби... по мне... – ее голос был слабым, словно это были не ее слова. Я почувствовала неприятный скрежет под кожей. Она подчиняла меня своей воле. Зачем она делала это? – Или по твоему отцу. Мы умрем... гордясь... вами. – Что?! Мой отец тоже... – Не нужно скорбеть!

Противное чувство стало невыносимым. Я не знала, что со мной происходит, и, прежде чем я смогла противостоять ее воле, она вложила что-то холодное мне в руку. Мама тяжело хватала воздух. Ее взгляд стал умоляющим. Она хотела сказать что-то еще, но ей не хватало сил. Я нагнулась к ней так, чтобы мое ухо было достаточно близко к ее рту. Мама прошептала два слова. Два слова, которым я не могла поверить. Затем ее тело безжизненно обмякло. Мне следовало плакать, мне следовало кричать, но голос моей матери все еще звучал эхом в моей голове. Она не разрешила мне горевать, потому что я должна была кое-что для нее сделать. Я посмотрела на свою ладонь. В ней лежала окровавленная связка ключей.

Два слова...

«Освободи его!»

Любимое амплуа Ноара

В отчаянии я пристально смотрела на свою мертвую мать и ничего не чувствовала. Этого же не могло быть... Или?

Пuls гремел у меня в ушах. Шум становился все громче по мере того, как под ее телом разрасталась лужа крови. До меня донесся приглушенный голос. Я моргнула пару раз. Снова слышался голос. Это был Ноар. Его взгляд был устремлен на вход. Там кто-то с грохотом спускался по лестнице. О боже! Злоумышленники еще не закончили с нами.

Я сжала в кулаке связку ключей моей матери и подбежала к Ноару. «Освободи его», – сказала она. Поэтому мама и пришла в подвал. Она не могла знать, что я была тут, и сама хотела освободить его. И это могло означать только то, что Ноар был нашей последней надеждой. Шаги на лестнице становились все громче. Мои руки дрожали. Какой ключ был подходящим? С виду по крайней мере пять из них могли открыть замки на этих железных цепях.

Первый не подошел. Второй у меня не получилось даже пропихнуть в замок. Затем я чуть не уронила связку ключей на пол.

– Эй... – я вдруг подняла взгляд и утонула в черных глазах, полных звезд. – Сделай глубокий вдох, – сказал Ноар мягко. Спокойствие в его голосе передалось мне. Я подавила приступ паники и сконцентрировалась на моем задании.

Третий ключ тоже не подошел, но четвертый проскользнул в замок. Но его заклинило. В тот самый момент у подвальной двери возник коренастый мужчина. Темные усы покоились над его злобной ухмылкой, а в руке мужчины блеснуло что-то, напоминающее мачете. Я застыла.

– Ноар...

Полные звезд глаза все еще смотрели на меня.

– Я знаю. Не останавливайся.

Мужчина атаковал. Я подергала ключ вместе с замком, но он попросту не открывался. Еще немного, и было бы слишком поздно. Над нами взмыл мачете, а затем... Ноар упал, оставаясь в цепях. Он сшиб нападающего с ног. Тот рухнул на пол. Его оружие отскочило и отлетело на пару метров в сторону. Ноар воспользовался шансом.

Он обернул ноги вокруг шеи злоумышленника и сжал. Усатый мужчина корчился, словно умирающее животное, но Ноар был безжалостен до тех пор, пока хрипящее сопротивление постепенно не ослабло совсем. Ничего себе! Еще несколько минут назад я стояла на этом самом месте и даже в худшем своем кошмаре не могла представить, на что был способен наш пленный.

Однако у меня не было времени размышлять об ужасающих способностях Ноара, потому что в подвал завалились еще двое злоумышленников. Теперь был мой черед действовать. Я снова подергала замок, и он наконец открылся. Как раз вовремя, чтобы увернуться от огромной руки, которая

пыталась меня схватить.

– Хватай девчонку! – прокричал пронзительный голос. Злоумышленником, которому был адресован этот приказ, являлся взрослый мужчина с густыми бровями, одетый в кожаную куртку, что скрипела при каждом движении. Так что я знала, что он был прямо позади меня. Я попыталась вернуться в сторону, но мужчина оказался быстрее. Он поймал меня за волосы и притянул к своей груди. К его несчастью, на тренировках с моими братьями отрабатывался именно этот сценарий. Я повернулась под хваткой и со всей силы пнула его в пах. С уверенностью можно сказать, что этот тип должен был забыть о планировании семьи. Он закричал от боли, но оправился быстрее, чем можно было ожидать, и ударил меня по лицу тыльной стороной руки. Моя голова с силой отклонилась в сторону, и я потеряла равновесие. В челюсти разразилась жгучая боль. Я рухнула на грубый каменный пол. Из моих глаз покатались слезы. Спустя мгновение снова слышался скрип кожаной куртки. На этот раз надо мной. Я попыталась отползти от нападавшего, но он схватил меня за руку.

– Хотел бы я порезать твое милое личико, – прохрюкал он мне в ухо. Эти слова подействовали на меня словно переключатель. Мои ногти устремились к его глазам. Папа всегда говорил мне использовать слабые места противника. К несчастью, нападающий мужик тоже знал этот принцип, потому что он использовал свой рост и вес, чтобы обезвредить

меня. Что-то блестящее попало мне на глаза. Мачете уса- того мужчины. Я схватила оружие, и прежде, чем нападав- ший мог остановить меня, воткнула мачете в его живот. Сно- ва и снова. На меня пролилась теплая кровь. Послышался скрип кожи, и мужчина со стоном рухнул на меня, буквально придавив, и я видела, как округлились его мертвые глаза. О боже. Это было так отвратительно. Я попыталась стащить с себя это массивное тело, но ничего не вышло.

На меня упала тень, когда приблизился большой силуэт. Вес, что прижимал меня к полу, внезапно исчез. Ноар стоял надо мной. Его мрачный взгляд прошелся по моему лицу и окровавленному свитеру. Вздохнув, он опустился рядом на колени и убрал лезвие из моих крепко сжатых пальцев. Затем он поднял меня на ноги и поставил таким образом, чтобы можно было контролировать вход.

Я тарасилась на свои руки. Неужели они и в самом деле только что убили человека?

Рядом с телом в кожаной куртке и моей матерью на полу лежали еще двое мертвых. Ноар расправился с третьим на- падавшим. Одной рукой, потому что другая его рука все еще была закована в цепи. Так что он, должно быть, освободился сам.

Затем он запер дверь подвала ключом моей матери и плюс ко всему заблокировал ее изнутри. Зачем? Должно было по- явиться еще больше нападающих? Мое мачете он засунул се- бе за ремень и нагнулся к чему-то, что лежало рядом со ста-

рыми бочками. Это было темное пальто или что-то типа сюртука до колен. Если мне не изменяет память, что-то такое было на него надето, когда Ноар попал в плен. Холщовый мешок, который мои братья надели ему на голову, также лежал на полу – позади тела моей матери.

Так много крови...

Вся моя жизнь оказалась разрушена за несколько минут. Мои руки начали дрожать.

Ноар возник передо мной. Его губы шевелились, но я не понимала, что он говорил. Мне нужно было поднять голову, чтобы видеть его лицо. Ноар был высоким – почти такой же, как Адам. Адам!.. Где были мои братья и сестры? Были ли они еще в живых?

Ноар мягко встряхнул меня.

– Эй, котенок. Я жду ответа!

Что? Что он только что сказал?

Нелепое прозвище вкупе с этой абсурдной ситуацией вернули меня в реальность.

– Не называй меня так... – пробормотала я рассеянно и тяжело подошла к моей сумке. Мне стоило больших усилий побороть шоковое состояние. Адам, Ник и Дженни в случае необходимости могут постоять за себя. Но Мо и Анни, скорее всего, нуждались в моей помощи.

– Ну и как же мне тогда тебя называть? – поинтересовался Ноар с насмешкой в голосе. – Ты же не сказала, как тебя зовут.

Верно. И, честно говоря, я и мое чутье предпочли бы все оставить так, как есть. В конце концов, этот парень не только наводил жути, но и был машиной для убийств. С другой стороны, эта машина для убийств была как раз тем, что можно было сейчас использовать. И если бы он действительно собирался помочь мне, то вполне можно было обойтись безо всяких прозвищ, где фигурировали милые животные.

– Амайя, – сказала я кратко и осмотрелась на поле боя, что мы устроили здесь в подвале. Поскольку Ноар забрал у меня мачете, мне требовалось другое оружие. Ходить по дому с голыми руками, очевидно, было не лучшей идеей.

Мой взгляд пал на кухонный нож, который все еще торчал из спины первого нападавшего. Я подавила свое отвращение и энергичным шагом подошла к нему. Спустя один рывок нож был в моей руке. Но звук скрежета металла о кости навсегда вьелся мне в память.

Когда я подняла голову, Ноар скрестил руки на груди и насмешливо рассматривал мой нож.

– Что ты собираешься с этим делать?

Я чувствовала, как во мне смешались сомнение и решимость. Да, возможно, я не была таким же смертоносным бойцом, как он, но нельзя же было оставить моих братьев и сестер на произвол судьбы.

– Там снаружи... все еще часть моей семьи, – пояснила ему я. – Я не стану прятаться здесь, пока мои братья и сестры в опасности.

Ноар подошел ко мне. Его движения были непринужденными, почти идеально уравновешенными, словно ничего в этом доме не способно его испугать. Либо он был супергероем, обладающим невероятной силой, либо у него не все в порядке с головой. В тот момент я была готова поставить на что-то среднее. С уклоном к поехавшей кукушке. Я крепче сжала нож, потому что боялась, что он отнимет его у меня. Но Ноара больше не интересовало это.

– Покажи мне, как ты попала сюда.

– А потом? – спросила я недоверчиво.

– А потом, Амайя, – ответил он, глядя мне при этом пристально в глаза. – Я помогу тебе спасти твою семью.

Это было предложением, на которое я надеялась. На самом деле мне, наверное, следовало вздохнуть от облегчения, но меня охватило крайне нехорошее предчувствие. Кто-то вроде Ноара не стал бы так рисковать по доброте душевной. Чего он хотел взамен?

Я кивнула с твердым намерением сохранять бдительность и как можно скорее избавиться от Ноара, как только мои братья и сестры окажутся в безопасности.

– Хорошо, тогда нам нужно поторопиться! – я подошла к винной полке, через которую пробралась в подвал. Ноар тихо рассмеялся, когда увидел крошечную лазейку в стене.

– Я буду крайне любезен и оставляю при себе очередное сравнение с котенком.

– Была бы тебе за это очень благодарна, – прошипела я и

принялась отодвигать доску полки. Ноар едва ли мог протиснуться через этот крошечный проход со своими широкими плечами. Спустя две разбитые бутылки и пару ругательств я проскользнула в проход, освещая путь телефоном, а Ноар шел следом. Периодически мне приходилось оборачиваться, чтобы убедиться в том, что он следует за мной. Мой спутник двигался абсолютно бесшумно. Возле лестницы, ведущей в кирпичную шахту, я внезапно почувствовала его руку на моем плече. Когда я обернулась, Ноар приложил палец к губам и велел таким образом молчать. Какое-то время он прислушивался, затем достал мачете и исчез где-то в тени подвала. Вскоре после этого я услышала шорох, затем тихое хныканье, что было мне уже очень знакомо. В панике я побежала за Ноаром и прошипела в темноту:

– Стой!

Свет моего телефона осветил за старым шкафом заплаканного маленького мальчика, что повис в крепкой хватке моего спутника.

– Отпусти его! – я расцепила руки Ноара и с облегчением обняла Мо. Мой младший брат был так рад видеть меня, что даже ответил на это объятие.

– Ты в порядке? – спросила его я, проверяя, не ранен ли Мо. Он кивнул. Умный мальчик. Как только на нас напали, Мо тут же спрятался. – Ты не знаешь, где все остальные?

На этот раз он покачал головой, а на его глазах выступили слезы. Я еще раз заключила Мо в объятия, пока не услышала

тихое покашливание, что заставило меня поднять взгляд.

– Ему нельзя оставаться здесь, – постановил Ноар. Его взгляд указал на коридоры, откуда мы пришли. Верно. Рано или поздно злоумышленники соскучились бы по своим дружкам, принявшись штурмовать подвал. Так что это был всего лишь вопрос времени, когда они бы обнаружили отверстие в полке и нашли Мо.

– Сейчас ты должен внимательно меня послушать, – сказала я своему брату, стараясь при этом придать уверенности своему голосу. – Здесь больше небезопасно, но Ноар поможет нам найти остальных.

Мо переводил взгляд с меня на моего спутника и обратно. Его руки вцепились в мои рукава, и он снова покачал головой. На этот раз крайне испуганно.

Ноар опустился на колени рядом с нами. Он улыбнулся моему брату. Суровость и насмешки исчезли с его лица.

– Я здесь, чтобы защитить вас. – Он сказал это убедительно и даже почти ласково. – Твои родители схватили меня, потому что они этого не знали. А я позволил себя схватить, чтобы быть рядом с вами, когда все это случится.

Ну что же... Либо Ноар был и правда Матерью Терезой, либо же лучшим актером, что я когда-либо видела. Но Мо это не впечатлило, так что он пожевывал в привычной манере свою маленькую нижнюю губу.

– Почему? – прошептал он наконец. Это был всего лишь простой вопрос, но тем не менее я редко бывала так горда

за него.

– Это долгая история, и я расскажу ее, как только вы окажетесь в безопасности.

Мой младший брат не выглядел убежденным, но он все равно кивнул и молча зашагал к лестнице.

Ноар самодовольно подмигнул мне:

– После тебя.

Так это все было всего лишь шоу... Или он использовал свою волю, чтобы манипулировать Мо? Во всяком случае, я ничего не почувствовала.

О боже! Вне зависимости от того, как все оборачивалось, меня не покидало чувство, что я совершила ужасную ошибку, освободив Ноара. Да, скорее всего, без него я была бы уже мертва. Но у всего есть своя цена, и я не была уверена, что в этом случае мне хотелось ее заплатить. Как только мы преодолели кирпичную шахту и добрались до коридора рядом с лестницей, я все же радовалась, что он хотя бы временно на моей стороне.

Мужские голоса заполнили дом. Они доносились из гостиной. Мне не удавалось увидеть всю комнату сквозь щели в деревянных досках. Мужчин было как минимум восемь.

Между темными силуэтами на полу лежал Адам. Он не двигался. Но они связали его, и хотелось надеяться, что мой брат просто без сознания. Рядом на диване лежала связанная блондинка с кляпом во рту. Дженни. Ее спутанные волосы и опухший подбородок говорили о том, что моя старшая сест-

ра не сдалась нападавшим без боя. Внезапно мне загородили обзор, когда перед нами несколько человек спустились по лестнице. Моя надежда продолжала гаснуть, так как они вели перед собой Ника и Анни. Послышалось бурчание одного из нападавших:

– Здесь еще двое!

Он толкнул Ника так сильно, что он пролетел последние ступени и, упав, застонал перед ногами бородатого мужчины, который разговаривал командным тоном предводителя.

– В таком случае не хватает еще номеров пять и шесть. Ищите дальше. Переверните здесь все вверх дном. У нас осталось не так много времени. И проверьте, чем другие занимаются так долго в подвале!

По моей спине пробежали мурашки, когда мне стало ясно, что он говорил обо мне и Мо. Несколько злоумышленников исчезли, произнеся воинственное лаконичное «Есть!», в то время как бородатый склонился над Ником.

– Доставил же ты моим ребятам хлопот, конечно.

– Пошел ты, – прохрипел мой брат.

Лидер пнул его в ребра с грохочущим смехом:

– Советую тебе хорошо себя вести, маленький рыцарь.

В противном случае я разрешу моим ребятам поиграться с этой симпатичной блондиночкой.

Ник скорчился от боли. В это же время Дженни закричала сквозь кляп, потому что отвратительный тип поцеловал ее в шею.

Ноар схватил меня за плечо:

– Оставайся со своим братом, – прошептал он мне на ухо и протиснулся мимо меня. Я успела схватить его за рукав.

– Подожди, я пойду с тобой.

– Нет, – ответил он тихо, но решительно. – Они ищут вас, уже забыла?

С этими словами он оставил меня и исчез в темноте потайного прохода. В какой-то момент я подумала о том, чтобы пойти за ним, но быстро отбросила эти мысли. Ни глупость, ни склонность к самоубийству не были мне присущи. Скорее всего, я бы только путалась у Ноара под ногами. Но мне все равно не нравилось то, что я застряла здесь и не могла ничего сделать. Возможно, мне следовало бы немного чаще бывать на боевых тренировках.

– Эй, Сабо, – послышался голос одного из мужчин. Он звучал обеспокоенно. – Трое наших убиты. В подвале. Стражница тоже там внизу. Мертва.

Вот дерьмо. Теперь ситуация выходила из-под контроля. Рано или поздно они бы нашли потайной ход и обнаружили бы нас тоже. Сжав нож покрепче, я стала оглядывать пространство кирпичной шахты. Одновременно мой мозг запоминал странную информацию о том, что злоумышленники назвали мою мать стражницей. Мне следовало подумать об этом в более безопасных условиях.

В то время как предводитель по имени Сабо начал сыпать ругательствами, я почувствовала, как меня мягко потянули

за пальцы. Это был Мо, который вложил свою маленькую ладошку в мою, не отрывая взгляда от происходящего в гостиной. Он боялся. Мне было не лучше.

– Это мы тоже нашли внизу, – мужчина, который был в подвале, с диким грохотом бросил цепи Ноара перед кофейным столиком. Реакция злоумышленников показала разную степень их интеллекта. Большинство из них безразлично уставились на кучу железа. Пара человек вскинули брови, словно они пытались хотя бы на толику понять смысл этих цепей. Только бородатая мина Сабо сделалась хмурой.

– Так, значит, у нас тут незваный гость, – рыкнул он.

Прежде чем остальные злоумышленники сумели уловить ход мыслей своего лидера, распахнулась входная дверь, и вошел Ноар походкой короля.

– Это, господа, – сказал он воодушевленно, – действительно одна из моих любимых ролей.

Он что, совсем спятил? Его же могли убить на месте!

Нападавшие схватились за оружие. Невероятным образом среди них не было ни одного огнестрельного. Только холодное оружие – длинное, короткое, широкое, изогнутое... И все зловеще улыбались, словно пираты перед тем, как идти на abordаж.

Сабо шагнул вперед. Только он оставался серьезным и внимательно рассматривал своего противника, его одежду и раны.

– Кто прислал тебя? – спросил он наконец.

Ноар лучезарно улыбнулся, словно он был хозяином элитной коктейльной вечеринки.

– Раздражает, не правда ли? – сказал он и изящным жестом обхватил свое лицо. – По ту сторону тумана все может быть так... запутано.

Теперь я совсем ничего не понимала. Судя по всему, за кулисами существовал один или несколько наемников, о которых здесь говорилось все это время. В противном случае мои родители не спрашивали бы об этом. Однако то, каким образом это было связано с лицом Ноара или каким-то туманом, оставалось большой загадкой.

Наш бывший заключенный схватил антикварный стул, который стоял возле гардероба в качестве украшения, и поставил его среди злоумышленников. Под их внимательными взглядами он сел и положил ногу на ногу.

– У меня для вас есть предложение.

Брови Сабо буквально исчезли под его растрепанными волосами. Он совсем не мог объективно оценить поведение Ноара. Точно как и я.

– Тогда я заинтригован, – буркнул бородач.

– Это довольно просто, так что вы и сами должны это понимать. – Несмотря на дружелюбный тон, даже самый тупой злоумышленник не мог не заметить открытую насмешку в его взгляде. – Отдайте мне заложников, и я оставлю вас в живых.

Повисла гробовая тишина, вслед за которой раздался рас-

катистый смех. Терпение Сабо было на исходе, он кивнул своим головорезам:

– Возьмем его с собой. Вдруг у него есть не только большая пасть, но и парочка богатых родственников.

Ноар невозмутимо воспринял приказ Сабо. Несколько мужчин двинулись к нему. Брат вцепился в мою руку, а я затаила дыхание. Когда нападавшие рванули к Ноару, чтобы стащить его со стула, он отреагировал молниеносно. Я едва могла уследить за его движениями. Они были такими мощными, точными и плавными, что это выглядело, словно смертельный танец. Спустя пару секунд пятеро его противников уже лежали на полу. Над их мертвыми телами стоял Ноар, равнодушно поглаживая свои рыжевато-каштановые волосы.

Молчание, повисшее вслед за этим, несло в себе ужас, воцарившийся в гостиной. И мой тоже. Сабо наконец прервал тишину:

– Да кто ты такой, черт подери?! – он снова внимательно принялся рассматривать Ноара. – Ты выглядишь как скальный бегун, высокомерный, словно Золотой воин, но сражаешься... – голос его сел.

Ноар холодно рассмеялся и без труда выдержал взгляд Сабо:

– Что? Не решаешься произнести это?

Казалось, Сабо был встревожен. Однако один из его людей не обратил на это никакого внимания. Вытащив меч, он

подкрался сзади к Ноару и нацелился прямо на сердце. Я застыла, хотела закричать, ударить по дереву, но Ноар развернулся. Его плащ сделал вокруг него идеальный круг. Меч шлепнулся на землю.

Я успела заметить, как ярко сверкали золотые крапинки в его глазах. Нет, они горели.

Но звучание его голоса было полной противоположностью – тихое, контролируемое, железное. Он безжалостно проби-рался под мою кожу.

– Иди и убей своих дружков.

В полном ужасе я смотрела, как Ноар отпустил противника, который тут же напал на своих людей. Началась полная неразбериха. Наши враги сражались друг с другом, а их предводителя одолела паника, как только Ноар подошел к нему. Злоумышленник схватил Анни и приставил нож к ее горлу.

– Держись от меня подальше, иначе малышка умрет!

Ноар остановился. Его взгляд скользнул к моей заплаканной сестре, а затем снова пронзил панически распахнутые глаза Сабо.

– Мы оба знаем, что ты ничего ей не сделаешь.

– Я скорее перережу ей горло, чем вернусь без нее.

– Нет, – сказал Ноар уверенно, – ты перережешь его себе.

Я слушала его приказ с ужасом, но не могла видеть, выполнил ли его Сабо, потому что что-то заслоняло обзор. Вернулся один из мужчин, что искал нас. В его руках была вин-

товка, что была мне хорошо знакома. Она принадлежала моему отцу. Судя по всему, мужчина взял оружие на чердаке. Похоже, он не очень разбирался в этом, но я знала, что винтовка была всегда заряжена.

В спешке я обернулась к Мо, надеясь, что мой шепот перебивали звуки борьбы:

– Как мне быстрее всего выбраться отсюда?

Некоторое время мой брат безмолвно смотрел на меня. Я знала, что он оценивал ситуацию. Затем он потянул меня на метр вперед и прижался к обшивке. Потайная дверь качнулась. Мой пульс участился, но теперь пути назад не было. Мужчина схватился за винтовку. Не нужно было подглядывать за гостиной, чтобы знать, что он целился в Ноара. У меня оставались считанные секунды, поэтому я бросилась на стрелка и вонзила мой нож ему в спину. Он закричал. Раздался выстрел. Затем он перелетел через перила лестницы и врезался в старинный сервант моей матери.

Как только я подняла взгляд, предо мной предстало ужасающее зрелище. Наша гостиная обернулась полем боя. Ни одного из нападавших больше не было в живых. Ноар убил их всех... Из сонной артерии Сабо по-прежнему сочилась кровь. Его мертвая ладонь сжимала кинжал. Неужели Ноар и в самом деле заставил его перерезать себе горло?!

Также потрясенно, как я разглядывала гостиную, мои братья и сестры уставились на меня. Только тогда я поняла, что была перепачкана кровью и убила человека нашим кухон-

ным ножом прямо у них на глазах.

Только Ноар сохранял спокойствие. Впрочем, как и всегда. Он ухмыльнулся мне, демонстративно поклонившись. Я не была до конца уверена, что это было: то ли благодарность за спасение его жизни, то ли своеобразное приветствие на темной стороне. В любом случае я чувствовала себя крайне несчастной.

Что теперь? Как мы должны были объяснить произошедшее здесь? Были ли мы вообще в безопасности?

– Нам нужно уходить отсюда. Одевайтесь, – изложил Ноар мои опасения словами, пока освобождал моих братьев и сестер от кляпов и веревок. – И поторопитесь. У нас не так много времени.

Ник проигнорировал его и вместо этого устремил свой взгляд на меня:

– Где мама?

Я сглотнула и несчастно покачала головой. Анни расплакалась, в то время как Ник и Дженни ошеломленно молчали. Я не могла разделить их скорбь, но боль моих родных отчетливо отзывалась во мне. Мо внезапно появился в гостиной и подбежал к Адаму, который все еще лежал на полу без сознания.

– Что с папой? – хотела я знать, хотя мне и было тяжело задавать этот вопрос в присутствии Мо и Анни.

Лицо Ника заметно потемнело.

– В палисаднике. – Было единственным, что он произнес.

Это просто ужасно. Рационально я могла понять, что это значило для меня. Должно было значить. Должно. Но тем не менее я чувствовала лишь пустоту и невиданную до этого беспомощность.

В течение сотен лет все решения принимали наши родители. Без них мы были всего-навсего неорганизованной кучкой детей.

– Вы слышали Ноара, – повторила я, словно по велению пульта управления, и стала спускаться по лестнице. – Нам нужно отсюда уходить.

– С какой это стати мы должны делать то, что он говорит? Кто это вообще такой? – спросил Ник сурово. Я закатила глаза. Было ясно, что теперь он чувствовал себя ответственным за нас. По крайней мере до тех пор, пока Адам не очнулся.

– Ник! – вмешалась теперь и Дженни. – Он спас нам жизнь. – Ей было явно неприятно обсуждать эту тему в присутствии Ноара.

Судя по всему, моему брату было на это наплевать:

– Но мы же совсем не знаем этого типа!

Ноар же, который между тем обыскивал тела злоумышленников, судя по всему, совсем не был удивлен этой дискуссией. Хотя я ясно видела, что его терпение было на исходе. Поэтому он, видимо, решил вмешаться.

– Придет еще больше людей. Эти фахины работали только ради выкупа. Но те, кто придет следом, не будут так вежливы по отношению к вам.

– Нет никого, кто заплатил бы за нас выкуп, – вздохнув, постановила Дженни.

Ноар тихо фыркнул:

– Вы будете удивлены.

– Я хочу сейчас же знать, что здесь происходит! – Ник был практически в ярости. Его руки беспомощно сжались в кулаки, пока он злобно смотрел на Ноара. Я не могла винить его. Даже если это было совсем неподходящее время для того, чтобы терять самообладание.

Я как раз раздумывала, как успокоить Ника, когда Ноар бесцеремонно схватил моего брата за ворот.

– Я уважаю твое желание защитить своих братьев и сестер, но у нас нет сейчас времени на разговоры о компетентности. Если бы я хотел что-то сделать с вами, вы были бы давно уже мертвы. Так что делай то, что я говорю, и радуйся тому, что я не принуждаю тебя, – прошипел он с отчетливым предупреждением в голосе. Какое-то мгновение Ник, казалось, хотел возразить, но потом кивнул:

– Мудрое решение. Мы выдвигаемся через пять минут. Упакуйте теплую одежду, оружие и все, что может пригодиться. Но только легкие сумки. Мы должны передвигаться быстро.

Время сказок в китайском ресторане

Ноар вел нас через лес. Уже рассветало, но холод ночи все еще неумолимо сохранялся в промокшей под дождем долине. Хотя я и одела себя, Мо и Анни как можно теплее, мы замерзли, преодолев первые несколько километров. Ноар периодически останавливался, чтобы замести наши следы и определить дальнейший путь. Однако, я думаю, он это делал чаще, чем требовалось, чтобы позволить нам немного перевести дух. Когда Адам снова пришел в себя, он, конечно, был не в восторге от того, что мы доверили наши жизни незнакомцу. И, как и Нику, Адаму пришлось сначала иметь дело с Ноаром, прежде чем неохотно уступить ему лидерство. Я была обеспокоена тем, как происходящее влияло на нас.

Даже несмотря на то, что я считала Ноара в высшей степени опасным, стоило признать, что без него мы бы не справились. К тому же он ни разу не использовал против нас свою волю. Я знала это, потому что уже несколько часов не спускала с него глаз, уставившись в широкую спину, скрытую под этим необычным плащом. В дневном свете его волосы выглядели чуть ярче: они уже не были похожи на засохшую кровь, а скорее напоминали каштаны на солнце. Он передвигался быстро и уверенно. Было в нем что-то кошачье, прав-

да, что-то от очень большого кота. Мускулистый и с острыми зубами. Играть с ним было опасно. Вот черт! В мыслях я вылила себе на голову ведро ледяной воды. Я ведь на самом деле только что пялилась на Ноара и наградила его такими же глупыми кошачьими сравнениями, как и он меня! Да, он был привлекателен, и у меня уже было достаточно (пусть и несущественного) опыта с парнями, чтобы понять, что такое влечение. Это была простая формула природы. Женщина в беде + сильный защитник = праздник для гормонов.

Теоретически это все имело смысл, просто жизнь продолжалась даже после чрезвычайной ситуации, и тогда сильные защитники часто становились отъявленными психами или нуждающимися в помощи совершенно разбитыми людьми. Кроме того, здесь и сейчас, безусловно, была наихудшая ситуация, чтобы надевать розовые очки. И у Ноара словно табличка светилась над головой с надписью «ОПАСНО!». Так что он мог уже не раз быть героическим спасателем... Нельзя терять голову!

– Долго еще? – тихо спросила Анни, когда мы снова остановились передохнуть под парой елей. Я посмотрела на нашего самопровозглашенного предводителя, который только что поднялся на возвышенность, и вздохнула.

– Не знаю, но я выясню это.

Пока Ник раздавал несколько злаковых батончиков, я последовала за Ноаром вверх по склону. Вернее, я поскользнулась и ползла, потому что мокрая листва и грязь мало

способствовали стабильному равновесию. Оказавшись, наконец, наверху, я крайне удивилась тому, как далеко мы уже зашли. По другую сторону склона проселочная дорога петляла сквозь лес. Если я правильно запомнила карту нашего участка и окрестностей, то позади нас должно было быть уже более пятнадцати километров.

Мрачный взгляд Ноара уперся в дорогу, где редкие машины проносились мимо. Как раз когда я хотела дать о себе знать, он, не оборачиваясь, сказал:

– Тебе следует отдохнуть, Амайя.

Меня не удивило, что жалкая попытка преследования не ускользнула от него. Удивительно было другое. Он понял, что это была я, а не любой из моих братьев и сестер.

– Все в порядке, – солгала я и спрятала мои мокрые ладони в карманы куртки. Теоретически отдохнуть было хорошей идеей. Теоретически. Только вот не верилось, что все вопросы, разрывающие мне голову, позволили бы хоть немного расслабиться. Я хотела так много узнать. От кого мы бежали? Была ли у нас хоть какая-то цель? Кем были наемники, напавшие на нас? Кто такие скальные бегуны? Почему Сабо назвал мою мать стражницей, а Ника благородным? Кто бы заплатил за нас выкуп? И, конечно же, были еще вопросы из моего блокнота, который мне пришлось оставить дома.

Какое-то время я молча смотрела на Ноара. С тех пор как мы покинули дом, его загадочность приобретала все более

таинственный флер. Казалось, он менял свой характер, как другие люди свое настроение. Было ясно, что нужно действовать осторожно, если я хочу получить от него какие-то ответы. За последние несколько часов мои братья и сестры уже не раз нарывались на его замкнутость.

– Почему ты помогаешь нам? – мой голос тонул в шумах дождливого леса. Слышал ли Ноар меня вообще? Во всяком случае, он вел себя так, будто ничего не заметил. Я неуверенно пошевелила пальцами ног в сапогах. Мои ноги напрочь промерзли. Если у меня уже все было так плохо, тогда, должно быть, дела Мо и Анни были не сильно лучше. Было самое время убираться из холода.

– Я не помогаю вам, – сказал Ноар устало, не отрывая свои темные глаза от улицы. – Я всего лишь спасаю вам жизнь. Это не одно и то же.

Разочарование всколыхнулось во мне.

– А ты не думаешь, что после всего этого мы заслужили немного больше, чем загадочные ответы? – пробормотала я, кутаясь в свой шарф.

Вообще-то это был риторический вопрос, но Ноар удивил меня, когда грустная тень скользнула по его бледному лицу:

– Да, у вас есть такое право.

Я уже почти было поверила, что сама за него выдумала реплику Ноара, потому что мгновение спустя он перемахнул через упавший ствол дерева и пополз вниз по склону к дороге. Что он опять задумал?

Я поспешила за ним, но опоздала. Ноар выскочил перед приближающимся трейлером. Водитель затормозил в последнюю секунду. Маленький круглый человечек с козлиной бородкой вышел из машины с совершенно ошарашенным видом.

– Молодой человек, с вами все в порядке? Из-за этой чертовой погоды я совсем не заметил вас. Вы просто появились из ниоткуда. Ваше счастье, что я успел затормозить. – Когда он заметил, что одежда Ноара была залита кровью, беспокойство мужчины достигло апогея. – Боже мой, вы ведь ранены! – он хотел осмотреть Ноара, но тот не дал ему этого сделать.

– Дай мне ключи, – сурово приказал он. Глаза владельца трейлера на мгновение заволокло туманом, прежде чем он сделал то, что от него требовалось.

– Что ты делаешь, Ноар? – вопрос был излишним, потому что скребущее чувство под моей кожей вполне отчетливо говорило мне о том, что он только что сделал. – Здесь, снаружи, хаос доберется до нас, если ты применишь свою волю.

– Это они вам рассказали? – спросил Ноар, улыбаясь. – Поверь, все не так просто. И хаос на данный момент – наименьшая из наших проблем.

Он отобрал у мужчины ключ от машины и невозмутимо проговорил:

– Возвращайся в ближайшую деревню и забудь, что ты когда-либо встречался с нами. Послезавтра ты сообщишь в по-

лицию об угоне твоего трейлера.

Мужчина развернулся и зашагал прочь.

– Ты что, с ума сошел? – сорвалась я на Ноара. – Он же замерзнет!

– Он не замерзнет. Это всего в паре километров отсюда. – Не воспринимая более мои возражения, он открыл дверь в заднюю часть трейлера. – Приведи своих братьев и сестер.

О боже, он действительно заставил меня испытывать угрызения совести. В данный момент я не могла представить себе ничего лучше, чем укрыться от дождя и продолжить наш побег в отапливаемом автофургоне. С другой стороны, это была кража, и этому бедняге пришлось идти по холоду из-за нас.

Ноар схватил меня за плечи:

– Мо и Анни больше не выдержат. Если у тебя есть предложение получше, я весь во внимании.

У меня его не было, и поэтому через несколько минут мои братья и сестры забрались в автофургон. Ноар сунул ключ Адаму под нос.

– Ты поведешь. Адрес в навигаторе. Я тебя сменю позже.

Адам послушно кивнул. Несмотря на его сто девяносто два сантиметра роста, я всегда считала, что мой старший брат обладает очень величественной внешностью, но рядом с Ноаром он выглядел словно школьник-переросток.

Когда тяжеловесное средство передвижения наконец пришло в движение, стало заметно облегчение среди моих бра-

тьев и сестер, как и их изнеможение и горе. Дженни просто смотрела в окно. Ее волосы выбились из-под шапки, но это ее совершенно не волновало. Явный признак того, что чувствовала она себя хуже некуда. Мо заснул сидя, пока Анни со слезами на глазах дергала за свой анорак. Даже Ник, казалось, проявлял свои эмоции где-то под бледными чертами лица.

Поскольку места в передней части автофургона были все заняты, я перебралась назад, где была небольшая каюта с двумя отдельными кроватями. Вдруг позади меня возник Ноар.

– Нам нужно с тобой поговорить, – тихо сказал он. При этом он выглядел необычно рассеянным. Ноар потянул за тонкую раздвижную перегородку, закрываясь тем самым от моих братьев и сестер. Теоретически мне следовало бы сейчас испугаться, но, видимо, я слишком устала для этого. Какое-то мгновение Ноар колебался, прежде чем жестом попросил меня сесть. Он занял место напротив меня и потерял лицо. Прошло несколько секунд. Я немного растерянно ждала момента, когда он пронзит меня своими горящими глазами, но этот момент не настал. Напротив, Ноар, казалось, избегал моего взгляда.

– Итак, ты знаешь, что мы можем влиять на других своей волей...

Я растерянно кивнула. Наконец он посмотрел на меня, но на этот раз не требовательно или исследовательски, а даже с

долей... интереса и сочувствия?

– Ты когда-нибудь делала это сама? – спросил он далее. Снова я лишь кивнула.

– Но, – смущенно пробормотала я, – мне так толком не удалось узнать, как это работает.

Полуулыбка осветила его лицо. Это была самая естественная реакция, которую я когда-либо видела у него. Он в первый раз реагировал, как обычный молодой человек, и снова я задавалась вопросом, каким же боком он впутался в это дело.

– Это довольно просто, – сказал он. – Тот, кто сильнее, побеждает.

– Ну и... что?

– Смотри, если бы мне сейчас пришлось заставить тебя заснуть здесь, это не доставило бы особого труда. Потому что это очень близко к тому, чего ты и в самом деле хочешь. Наверное, ты даже не заметила бы, сделай я это.

Каким бы дружелюбным ни был его тон, у меня все равно мурашки пробежали по коже. Мысль о том, что он в любой момент может завладеть моим разумом, была далеко не из приятных.

– Однако если я заставлю тебя сделать что-то, чего тебе совсем не хочется, – продолжал он, словно пытаюсь коротким, но изящным жестом подобрать нужный пример. – Как, например, вытолкнуть твоего брата из движущегося автофургона...

...или перерезать себе же горло, подумала я, вспоминая участь Сабо.

– ...тогда твое сознание и подсознание воспротивились бы этому. В таком случае требуется уже большая практика и очень сильная воля.

Мне стало неуютно, и я заерзала на месте.

– А ты мог бы?

Ноар пожал плечами.

– Все зависит от...

– От чего?

Его глаза весело блеснули.

– От того, как сильно ты хочешь сопротивляться мне.

Все, что он говорил, имело смысл. Это объясняло скребущее чувство, которое иногда было сильнее, а иногда и отсутствовало. И дело в том, что манипуляция срабатывала не всегда. Каждый раз была дуэль. Волевой поединок.

– Почему ты рассказываешь мне это?

Мое беспокойство сменилось недоверием. С чего он взял, что я знаю? Или все дело было в том, чтобы успокоить меня, чтобы я довольствовалась какими-то обрывками информации? Он вздохнул и убрал со лба влажные волосы.

– Навязывая кому-то свою волю, ты всегда оставляешь следы. Особенно когда заставляешь кого-то действовать против своей природы. И особенно когда вмешиваешься в чьи-то чувства.

Теперь я понимала, к чему он клонил:

– Ты говоришь о моей матери. – При ее упоминании между его бровями образовалась глубокая морщина. Видимо, он все-таки не очень хорошо относился к моим родителям.

– С ее стороны было несправедливо не дать тебе погоревать.

Да, верно. Но только таким образом моя мать могла быть уверена, что я сохранию ясный рассудок.

– Это было необходимо, – сказала я тихо.

Ноар кивнул:

– Что-то подобное способно свести с ума.

На самом деле было ужасно чувствовать себя не так, как следовало бы чувствовать. И хуже всего были угрызения совести из-за того, что ее смерть для меня ничего не значила. Это сделало меня совершенно холодной.

Я даже не взглянула на отца, когда мы проходили мимо его трупа.

– Это можно исправить?

– Твоя мать могла бы. Кроме того, есть зелье, которое можно выпить, если достаточно быстро сообразить, что на тебя было оказано воздействие. Однако для этого уже слишком поздно.

– Оу.

Я не знала, радоваться этому или нет. Конечно, я бы хотела стать прежней собой. Но Ноар совершенно точно говорил о том ужасном пойле, которое отец вылил моей матери на диван. Ее крики отчетливо отпечатались у меня в памяти.

В том, что срок для применения этого истекал, были свои преимущества.

– Есть и другой способ. Но он может сработать, только если я случайно оказался бы в тот момент там и знал точную формулировку слов, – признался Ноар. Вдруг его снова окружила эта зловещая аура. – То, что твоя мать была вынуждена работать в спешке, конечно, тоже играет нам на руку.

Он потянулся к моему лицу через небольшое расстояние между нами. Я была так ошарашена, что не стала сопротивляться.словно олень, смотрящий на фары приближающегося грузовика, я погрузилась в темное звездное небо его глаз. Его руки были теплыми, а прикосновения бережными.

– Не бойся.

То, что он сказал после этого, больше не проникало в мое сознание. Был только его голос, а потом меня захлестнула волна бесконечной скорби.

Боль от потери родителей схватила меня, как невидимый монстр, и сжалась у где-то внутри. То, что происходило вокруг меня, я воспринимала только урывками. Ноар в какой-то момент ушел, словно знал, что не вписывался в происходящее. Оно принадлежало только мне и моему горю. Я плакала и плакала, в то время как воспоминания целого века обрушивались на меня. Час за часом.

Там, за окном, мир проносился мимо меня, и я заснула с привкусом собственных слез на языке.

Только когда непрерывный грохот и гудение автофургона стихли, я вскочила от испуга. Организм чувствовал себя более истощенным, чем до этого. Мои глаза опухли, а в горле першило. Но мне стало лучше.

Кто-то задернул шторы. Неприкрытые ими края окон ярко светились. Это означало, что на улице все еще был день. Что-то ткнуло меня в ребра. Маленький локоть.

Мо наполовину лежал на мне и тихо мычал, потому что я, по его мнению, слишком много двигалась. На другой кровати таким же образом Анни прижалась к Дженни. Я услышала, как открылась дверь трейлера. Приглушенные голоса. Шаги. Я напряглась, но это был всего лишь Адам, который просунул голову к нам.

– Мы приехали, – недовольно буркнул он.

Я нахмурилась. Усиливающаяся пульсация в ушах отдавалась головной болью.

– Куда?

– Без понятия. – Адам не пытался скрыть своего плохого настроения. На его левой половине лица красовался темный синяк. – На постоялом дворе где-то в горах. Полчаса назад мы пересекли границу с Италией.

Ага. Это было не совсем то, что я ожидала, но, по крайней мере, общественное место. Таким образом, шансы угодить в западню снизились до не критичного уровня.

– Здесь мы якобы получим ответы на наши вопросы. – Жду не дождусь, – пробормотал Адам, прежде чем понизить

голос. – Но будь наготове. У меня такое чувство, что мы скоро будем сражаться одни.

Я кивнула. Мой брат был прав. Пока мы не знали наверняка, кто на самом деле на нашей стороне, мы не должны были рисковать.

Я разбудила остальных и вытолкала их из фургона, который, как оказалось, стоял на стоянке грузовиков. Рядом со всеми огромными грузовиками наш трейлер показался мне почти крошечным. Воздух был чистым и ледяным. Огромные горные хребты окружали гостиницу и исчезали в низко висящей облачной пелене.

Ноар ожидал нас с невозмутимым видом и скрещенными руками. Засохшая кровь исчезла. Видимо, он умылся. Под плащом на нем была свежая светлая рубашка, а еще на шее красовался темный шарф, который придавал ему скрытный вид хипстера. Наши взгляды встретились лишь на мгновение, прежде чем он снова принялся исследовать окрестности. На секунду у меня возникло впечатление, будто ему было неприятно то, что он сделал со мной. Почему? Я чувствовала себя немного потерянной, и при одной только мысли о родителях у меня на глазах выступали слезы, но это все было лучше, чем та холодная пустота вместо чувств.

Адам запер фургон. Ключ он незаметно сунул в карман. Хорошо, что у нас была машина для побега, в случае если вдруг что-то пошло бы не так. Затем мы последовали за Ноаром в один из ресторанов, примыкающих к бензоколонке.

Он выглядел как альпийский трактирчик, но, судя по названию, был китайским: «К красному лотосу». Даже внутри заведение отдавало чем-то слегка шизофреническим. Как будто кто-то завалил хижину азиатскими декорациями. Пахло карри и благовониями. Несколько огоньков и красных лампочек придавали окружению гнетущую атмосферу. Изобилием гостей заведение не могло похвастать, тем не менее Ноар шагал мимо всех пустых столов, пока мы не попали в некое подобие приватной зоны. Несколько ширм защищали от соседних столиков и обеспечивали видимость уединения. За ним находился большой круглый стол, за которым сидел пожилой мужчина. Ему так не хотелось вписываться в эту третьесортную забегаловку с его шикарным костюмом и светской мужской харизмой. Он не выказал никакого удивления перед появлением шайки молодых людей, которая мешала ему пить красное вино. Было ясно, что он сидел здесь не случайно.

Мы достигли цели нашего побега.

Ноар обошел стол и слегка наклонился, чтобы прошептать что-то на ухо мужчине. Он не сводил с нас настороженных серых глаз. Я бы сказала, что ему было немного за пятьдесят. Серебристые пряди пробивались сквозь его темные волосы на висках и выглядели не просто аккуратно причесанными, нет, они выглядели словно нарисованные кистью художника. То же самое касалось и его бороды, которая в точности повторяла очертания его челюсти. Я бы не удивилась, окажись

он директором банка или сверхбогатым шейхом. Ни одна деталь нашего состояния не ускользнула от него, и я начала чувствовать себя все более неуютно.

Закончив свой доклад, Ноар отошел в тенистый угол и прислонился там к стене.

– Рад вас всех видеть в добром здравии, – сказал человек за столом приятным голосом, который привык быть услышанным. Элегантно поставив свой бокал, он использовал салфетку, чтобы вытереть уголки рта.

– Кто вы? – робко спросил Адам. Он сделал шаг вперед, тем самым давая понять, что будет нашим представителем.

Мужчина сделал вид, что не заметил грубый тон моего брата и одарил его широкой улыбкой:

– Извините, пожалуйста, что не представился сразу. Я Лазар-Валь-Этор, – он поднялся и приветствовал нас с поклоном. – Вы, должно быть, совершенно сбиты с толку и голодны. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, вы не возражаете, что я позволил себе заказать вам что-нибудь поесть.

Мы не знали, как нам поступить. Вокруг нас уже суетились три официантки в китайских атласных платьях. Они толпились возле наших мест и поставили в центр стола бесчисленные дымящиеся тарелки и миски. Пахло неожиданно вкусно. Мой желудок урчал, и я вопросительно посмотрела на Адама. Я не думала, что Ноар и этот Лазар преследовали цель отравить нас. Они определенно не нуждались в этом. Кроме того, мы должны были поесть, чтобы набраться сил.

Тем не менее я оставила решение за братом. Остальные мои братья и сестры поступили так же, даже Мо. Никто из нас не хотел подрывать авторитет Адама. Когда тот небольшим кивком дал свое согласие, всеобщее облегчение все же было заметно. Мы принялись за еду и наполнили свои тарелки.

Лазар наблюдал за этим с доброжелательной улыбкой. Сам он ничего не ел.

– Ноар рассказал мне, что произошло. Вам очень повезло.

– Наши родители мертвы. Вряд ли это можно назвать везением – пробубнил Адам.

На мгновение мне показалось, что на лице Лазара я увидела порицание, но вдруг он схватился за грудь в извиняющемся жесте.

– Я понимаю ваше горе. При других обстоятельствах я хотел бы дать вам больше времени, прежде чем столкнуть вас с истиной. Однако этого времени у нас нет.

Я опустила обратно в тарелку яичный ролл, который только что собиралась откусить. Подняв голову, я встретилась взглядом с темно-серыми глазами Лазара. Несмотря на морщинки от улыбки, в нем чувствовалась такая твердость, что у меня мурашки побежали по коже. Этот человек был опасен. Возможно, даже опаснее, чем Ноар.

Слова Лазара приглушенно отзывались в помещении. Некоторое время слышался только шум из кухни ресторана.

– Конечно, вам трудно мне довериться, – дружелюбно ска-

зал Лазар. – Даже если никто из вас не решается мне возразить. Возможно, вас уже не раз одолевали сомнения...

Как и следовало ожидать, мои братья и сестры отреагировали на это утверждение враждебным молчанием. Таким образом наши родители подавали нам пример и прививали его нам. Но Лазар не принадлежал к числу людей, которых можно было просто игнорировать. К тому же на этот раз все обстояло иначе. Условия изменились. И, хотя все это было мне противно, я вдруг почувствовала, что узел лжи, наконец будет распутан.

– Они позаботились о том, чтобы у нас не было никаких сомнений, – вырвалось у меня. Все повернулись ко мне. У Ника чуть глаза из орбит не вылезли.

– Майя!

– Ты просто не можешь вспомнить! – защищалась я от его укоризненного тона. Чем дольше я думала об этом, тем увереннее становилась. – Они манипулировали нами. – Я обвела взглядом своих братьев и сестер одного за другим. – Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

Лазар откинулся в кресле и посмотрел на меня с вдруг появившимся интересом.

– Мы все знаем, о чем ты говоришь, Амайя. – В уголках его рта заиграла тонкая улыбка. – Потому что мы принадлежим к одному и тому же виду.

В отличие от моих братьев и сестер, это откровение меня мало удивило. Что-то в этом роде я и подозревала. Тем

не менее было такое чувство, будто кто-то выбивает почву у меня из-под ног.

– Мы стареем очень медленно, мы сильнее и быстрее, чем люди, и можем управлять ими с помощью нашей воли. – Это несколько сложнее, но возможно, – подытожил Лазар, прежде чем кто-то успел задать вопрос.

Мой взгляд устремился к Ноару, который все еще стоял в своем темном углу. Я не знала почему. Возможно, дело было в том, что он сделал со мной в автофургоне. А может, это было маленькое желание казаться неприступным, словно скала среди морского прибоя. Но Ноар даже не посмотрел в мою сторону.

Лазар дал нам время осмыслить эту информацию. Когда никто ничего не сказал, его лицо помрачнело. Мужчина неодобрительно покачал головой.

– Значит, они действительно оставили вас в полном неведении, – пробормотал он больше себе, чем нам. – Какой позор!

Ник вскочил со сжатыми кулаками. До сих пор он старался, по крайней мере, слушать Лазара. Но последний комментарий задел его настолько, что он снова вернулся к своей привычной модели поведения. Шаблон, который наши притворные родители подсунули нам.

– Хватит. Мы уходим, – Ник схватил меня за руку и рывком поднял со стула. То, что мой брат в своем гневе причинил мне боль, он даже не заметил. – Наши родители всегда

заботились о нас. Я не допущу, чтобы вы втоптывали в грязь память о них.

Он так же призывно посмотрел на Адама и Дженни, но они не сдвинулись с места.

– Отпусти Амайю и сядь.

Голос Ноара эхом разнесся по комнате, словно тихая гроза. Внешне он выглядел совершенно спокойным, но в его глазах мелькнуло очевидное предупреждение. Тем не менее Ник был уверен, что это предупреждение было не более чем сотрясением воздуха. Ноар оттолкнулся от стены, но остановился, когда Лазар поднял руку. Этот маленький жест продемонстрировал такой авторитет, что все замерли.

Я была уверена, что этот жест больше был адресован Ноару, чем нам, но мой брат тоже выглядел напуганным. Я воспользовалась сомнениями Ника, чтобы вырваться из его хватки. Затем я плюхнулась обратно на стул и потерла место, где его пальцы сдавливали мою руку. Вскоре мой брат снова взялся за свое. На этот раз в его тоне прозвучало разочарование.

– Не прошло и дня, как наших родителей убили, а вы...

– Они не были вашими родителями, – перебил его Лазар, от чего у меня по спине пробежал холодок. – Они являлись вашими стражами. И я совершенно не собираюсь втоптывать память о них в грязь, потому что они просто выполняли свой приказ. Они прятали и защищали вас. Поручение, которое они всегда послушно выполняли – до вчерашнего дня.

Мой брат и моя рука стали чем-то совершенно неважным перед лицом этого откровения.

– Я понимаю, что это тяжело осознать, – продолжал Лазар, – но вы не принадлежите этому миру. Вас привели сюда, чтобы ваши настоящие родители не могли вас найти.

Внезапно я ощутила, как мое сердце заколотилось в районе горла. Разве мы были не из этого мира? Из какого тогда? А наши настоящие родители?! Эта мысль показалась мне настолько чужой, что мой разум не мог ее допустить. Лазар в свою очередь пристально посмотрел нам в глаза.

– Вы – рычаг давления, если угодно, – сказал он. – Пленные. Заложники.

Что?!

Хоть я и хотела разбавить свою прежнюю жизнь несколькими подробными фактами, теперь оказалось, что привычный мне мир был построен на лжи. Таким образом, мои братья и сестры также не являлись моими братьями и сестрами. Они были просто пленниками. На их лицах читалось, что им это только что стало ясно.

– Так что сядь, пожалуйста, Никуна, – попросил Лазар. – Досадно будет, если еда остынет.

Никуна? С того момента, как кто-то назвал моего брата его настоящим именем, прошло так много времени, что я и сама чуть не забыл о нем. Ника это тоже касалось. Он с подозрением взглянул на нашего собеседника.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

Лазар очаровательно улыбнулся ему.

– Там, откуда я родом, ваши имена не являются секретом. – Потом он сделал небольшую поправку: – Там, откуда *мы* родом.

Можно было видеть, как у Ника закипает мозг. Он не доверял Лазару, и все же на лице его считывалось любопытство. Ник обменялся долгим взглядом с Адамом, и оба они сошлись в немом согласии.

– Мы выслушаем вас и поедим. После этого мы решим, верить вам или нет.

– Отлично, – сказал Лазар, потирая руки. – Тогда я хочу рассказать вам небольшую историю.

Из тени позади него донеслось тихое фырканье. Я посмотрела на Ноара и заметила недовольство на его лице. Меня удивило, что он мог вести себя так пренебрежительно по отношению к своему боссу. Безнаказанно. Или эти двое были чем-то вроде равноправных партнеров? Во всяком случае, Лазар игнорировал неуважительное отношение Ноара и пощипывал кончик своей бороды, словно подыскивая нужные слова.

– Когда-то могущественный император правил великой империей, – начал он наконец. – И поскольку эта империя была так велика, она была разделена на восемь частей. Самое ценное император сохранил для себя, а остальное он передал своим князьям, которые отныне правили от его имени. Очень, очень долгое время эта система работала гладко. Раз

в тысячу лет правящий император отрекался от престола, и его дети и дети его детей восходили после него на трон, как того требовала традиция. И князья их всегда были преданы им.

Я беспокоюсь тербила свои пальцы. Конечно, было ясно, что эта история будет иметь какую-то мораль и в конечном счете отношение к нам. Но в данный момент у меня не хватало терпения на сказки или аллегории.

– Но однажды среди князей воцарился раздор, – продолжал Лазар. – И, как это часто бывает в политике, за неудовольствием последовал бунт. Шесть из семи князей выступили против своего императора, который лишился жизни и семьи во время последовавшего восстания.

Империя осталась без правителя, пока отец императора – его предшественник, отрекшийся от престола, – не вернулся из своего убежища и не подавил мятеж с помощью одного княжеского дома. Он снова вернул себе корону и восстановил порядок. Только как он должен был править, утратив доверие к своим князьям? В конце концов, он нуждался в них. И поэтому император требовал от каждого из них доказательств своей верности. Страхование, что в будущем подобное неповиновение никогда не повторится.

Боже мой. Я догадывалась, к чему это привело. В конце концов, разве это не сказка?!

– Он потребовал заложников княжеской крови. – Лазар посмотрел на оставшееся красное вино в своем бокале. На

мгновение показалось, что он отсутствовал, словно предавшись своим воспоминаниям. Потом пожал плечами и снова поднял взгляд. – Шесть мятежных княжеских домов – шесть заложников.

Удачная ставка в лошадиных бегах

– Я принцесса? – благоговейно выдохнула Анни. Лазар рассмеялся и отвесил поклон. – Так и есть, Ваше Высочество.

Покачав головой, Ник отодвинул от себя пустую тарелку.

– Это же полная чушь! Милая история. Но вы забыли, что империи не существуют уже несколько десятилетий.

– Не в этом мире, – возразил Лазар. Потом вздохнул и допил свое вино. – То, что происходит сейчас, нелегко объяснить, и нелегко в это просто поверить. Поэтому, с вашего позволения, я покажу вам кое-что. – Он встал, причем мне показалось, что Лазар был почти на голову ниже Ноара. – Когда вы закончите, пожалуйста, следуйте за мной.

Я была первой, кто последовал его призыву. Пусть остальные могли назвать меня неосторожной, но мне очень хотелось знать, о чем говорил этот Лазар.

По дороге я почувствовала, как маленькая ручка скользнула в мою. Это был Мо.

– Я не хочу не быть больше твоим братом, – тихо сказал он. Этим он едва не разбил мне сердце.

– Ты всегда будешь моим братом, что бы ни случилось, – заверила я его. То же самое относилось и к другим, даже если иногда они и раздражали меня.

Лазар провел нас через кухню ресторана на холод. В зо-

не доставки стояло несколько грузовиков, которые он целеустремленно обходил. Остановился он только перед клетчатый предметом, лежащим на полу. Это было одеяло, расстеленное поверх чего-то.

– Это что, труп? – Анни выпучила свои большие глаза. Остальные тоже собрались вокруг странной конструкции. Это и в самом деле выглядело как укрытое мертвое тело.

– Прошу извинить меня за то, что я не могу избавить вас от этого зрелища, – сказал Лазар. – Но не волнуйтесь, этот человек умер естественной смертью.

– Что за фигня?! – Адам мрачно уставился на него. Как нашему защитнику ему, похоже, совсем не понравилось, что мы снова подверглись таким жестокостям.

Широким махом Лазар перешагнул через мертвеца. Его выражение лица вдруг сделало его похожим на лектора.

– Я так полагаю, ваши стражи держали вас подальше от кладбищ, больниц, домов престарелых и так далее, – мы все одобрительно кивнули, после чего Лазар пальцем указал на фигуру под пледом. – Это, вероятно, будет первый мертвый человек, с которым вы столкнетесь.

Я смутно помнила, что уже видел одного или двух мертвых перевертышей хаоса. Хотя они и напоминали внешне человека, их черная кровь и безумные глаза говорили о том, что с людьми они имели мало общего.

– Я так и думал, – пробормотал Лазар, верно истолковав наше молчание как согласие. Затем он повысил голос и крик-

нул: «Варден!»

За одним из трейлеров показался высокий мужчина. Его вид пронзил меня, словно удар молнии. Я знала его. Это был тот тип из лифта.

Ник загородил собой меня и Анни. Адам сделал то же самое с Мо и Дженни. Но великан с серебристым конским хвостом и лицом со шрамом почти не обращал на нас внимания. Его взгляд упал на кого-то позади нас и помрачнел.

– Я сказал, что проведу детей сквозь туман. О нем речи не было.

Озадаченная, я обернулась. Судя по всему, он говорил про Ноара, у которого для вновь прибывшего осталась лишь усталая улыбка.

– Мы никуда не пойдем, – ответил Адам. – Сначала я хочу знать, что здесь происходит!

Это, казалось, больше не интересовало Лазара, потому что он повернулся к Вардену. Лицо Лазара оставалось дружелюбным, но тоном его голоса можно было резать лед.

– Ноар будет сопровождать вас. В противном случае наше соглашение будет аннулировано. Тогда наверняка найдется другой всадник тумана, который захочет оказать мне эту услугу.

Самоуверенная напыщенность Вардена рассеялась. Это было даже почти забавно – словно великан с боевым взглядом пытался запугать бывалого денди.

– Ну хорошо, – пробормотал Варден, вытягивая лицо,

словно хотел задушить Лазара. Тот похлопал его по плечу.

– Замечательно. В таком случае – за дело.

Неохотно Варден опустился на колени к мертвому человеку и стянул с него одеяло.

– Давай, приятель. Вставай. У нас не так много времени.

Ну ладно... Теперь совершенно точно. У этого Вардена были не все дома. Адам становился все более нервным, и я хорошо его понимала.

– Может, кто-нибудь скажет мне, что все это значит?

Внезапно клетчатое одеяло начало светиться. Это был голубоватый свет. Я едва могла поверить своим глазам. Сквозь ткань сначала показалась полупрозрачная рука, потом появилась голова и, наконец, целый торс. В ошеломлении я уставилась на...

– Это призрак?! – прошептала Анни, без тени страха. Я недоуменно посмотрела на свою младшую сестру. Иногда меня поражала ее смелость. В ее возрасте я бы наложила в штаны в подобной ситуации. Хоть ей и ее интеллекту было сто четыре, ее эмоциональная зрелость все равно оставалась детской. Когда, черт возьми, моя младшая сестра стала такой закаленной?

– Однако, моя маленькая принцесса, – сказал Лазар. – Ваши стражи хотели, чтобы вы держались подальше от всех мест, где умирают люди, чтобы вы не видели ничего подобного тому, что происходит здесь.

Самодовольно он указал на призрака, который оказал-

ся тучным лысым парнем. Прозрачная, светящаяся синевой тучная лысая голова.

– Я умер? – заикнулся он голосом, в котором было слишком много эха для такой открытой местности.

– Можно сказать и так, – ответил Лазар. – Давайте, пожалуйста, пропустим часть с удивлением, вопросами и отчаянием и сразу перейдем к сути дела: вашему переходу в царство мертвых.

Он дал знак Вардену, после чего тот достал белесый драгоценный камень, болтавшийся у него на шее на цепочке. Камень тут же начал сиять. Он светился все ярче, пока и во все не ослепил нас. Я услышала, как кто-то что-то сказал. Что-то вроде: «Иди на свет». Мне даже захотелось рассмеяться над подобным клише, но мой рот был все еще раскрыт от удивления, так что я не могла этого сделать.

Когда свет погас, призрак исчез. Вдруг с гор медленно скатилась стена тумана, словно лавина из закрученной серой дымки. Слишком внезапная, чтобы иметь естественное происхождение. Ресторан, парковка, грузовики... все постепенно исчезало.

– Варден принадлежит к народу туманных всадников. Их задача – собирать души умерших и благополучно переправлять их на другую сторону.

– На другую сторону? – повторила я совершенно ошеломляющие слова Лазара. Мой разум все еще был занят обработкой информации о существовании призраков.

Вдруг раздалось глубокое фырканье. Это была лошадь?! Я огляделась, и в самом деле... там, где до этого стояло несколько мусорных баков, вырисовывались очертания лошади. Нет, их было несколько.

Я почувствовала, как кто-то дергает меня за куртку. Это был Адам. Его взгляд говорил о многом. Он едва заметно кивнул в сторону фургона. Видимо, он решил, что пришло время делать отсюда ноги. И, честно сказать, он был прав. Однако то, что мы только что узнали здесь, было невероятным. Как он мог не хотеть узнать, что еще за этим кроется?!

– Как я уже упоминал, наше время на исходе, – провозгласил Лазар. Голос его звучал приглушенно, потому что он тоже начал исчезать в тумане. Дым становился все плотнее и плотнее и, казалось, постоянно находился в движении, словно в нем присутствовали какие-то неестественные течения и воронки. – Поэтому я, к сожалению, вынужден сделать свой следующий шаг.

Все во мне забило тревогу. Он бы не стал?..

– Я хочу, чтобы вы внимательно послушали меня: следуйте за Ноаром! Он обязательно доставит вас к императорскому двору. И вы больше не станете подвергать сомнению мои слова!

Его воля заползла мне под кожу. Неприятное царапанье прекратилось, как будто мое подсознание мало возражало против этих указаний. Тем не менее я больше не хотела, чтобы мной манипулировали, и сосредоточилась на привычной

мелодии, чтобы противостоять этому.

– Забирайтесь! – воскликнул Варден. Сам он запрыгнул на одного коня, который...

Боже мой. Тела этих существ были созданы из тумана. Серый дым формировал мощные бока, лапы, ноздри. Гривы и хвосты же состояли из белых завес дымки.

Пронзительный крик заставил меня вздрогнуть. Мо лежал на земле. Черное щупальце обвилось вокруг его лодыжки, затягивая его в темную бездну. Вихрь хаоса! И не какой-нибудь, а самый большой, с которым мне когда-либо приходилось сталкиваться. Зеленые и фиолетовые молнии в нем выглядели как грозовая буря. Все срасталось в отвратительное создание с бесчисленными щупальцами, которое, словно инопланетное существо, тянулось за всеми нами. Я бросилась к Мо, прежде чем оно успело проглотить моего брата. Грубая сила, с которой этот вихрь тащил Мо, была страшна. Кто-то что-то прорычал. Я попыталась ухватиться за булыжник. Напрасно. Мо, а вместе с ним и я, скользил все дальше и дальше к монстру хаоса. А потом все вдруг прекратилось. Ноар встал между нами и вихрем, вытянув от себя руки, словно мог своими ладонями удержать хаос.

– По коням! – приказал он.

Я в спешке огляделась. Варден держал в руке копьё и как раз помог Дженни взобраться на одного из туманных коней, прежде чем запрыгнуть в седло позади нее. Ник тоже взобрался на лошадь. Адам посадил Анни к себе.

– Беги к ним! – направила я Мо. Он колебался. В тот же миг справа разрастался второй вихрь. Черные щупальца потянулись за мной.

– Адам! – крикнула я брату, так громко, как только могла. Он должен был доставить Мо в безопасное место. Копье с шипением вонзилось в вихрь хаоса. Копыта из тумана громыхали над ним. Потом сильные руки сомкнулись вокруг меня. Меня подняли и посадили в седло перед кем-то.

– Так и думал, что хаос захочет тобой полакомиться, – пробормотал мне на ухо Ноар. Дикий галоп туманного коня потряс меня так, что я едва могла удержаться. Но Ноар не отпустил меня, даже когда я, наконец, перекинула ногу через шею лошади и от паники схватилась за его руку.

– Где Мо? – было единственной мыслью, на которую я была способна.

Словно сама по себе, лошадь сбросила темп до неторопливого. Внезапно вокруг нас стало жутко тихо. Весь мир, казалось, состоял только из тумана.

– Малыш? – голос Ноара заставил вибрировать его грудную клетку. Из-за того, что на нас сейчас напали, он казался мне раздражающим. – Мы должны были принести его в жертву, чтобы у остальных был шанс убежать.

– ЧТО? – я хотела развернуться, спрыгнуть или еще что-нибудь сделать, но рука Ноара неумолимо удерживала меня. Даже стальной зажим вокруг моей талии был бы более уступчивым. – Расслабься, – сказал он, смеясь. – Твой непоседа

заставляет лошадь нервничать.

– ГДЕ МО?

– А я думал, ты у нас королева сарказма.

– Ноар! Если ты сейчас же...

– Посмотри налево, – перебил он меня.

Я перестала брыкаться и повернула голову. Там были только густые клубы тумана – такие же, как справа, над нами и под нами. Ноги я уже не могла разглядеть. Путь впереди? Ничего. Мне оставалось только надеяться, что Ноар или, по крайней мере, лошадь знали, что они там делают. И тут вдруг я увидела очертания. Покров тумана на мгновение разорвался, и я смогла увидеть еще одного коня из облаков и дымки, рысившего рядом с нами.

В седле цвета меди сидели Адам и Мо. Слава богу! Они были в порядке. Вскоре их поглотило серое ничто, и я снова осталась наедине с Ноаром и нашим туманным конем. В этот момент я осознала, что все еще цепляюсь за его предплечье. Теперь, когда больше не осталось причин, чтобы пытаться освободиться от него и выпрыгнуть из седла, это показалось мне немного неуместным. Поэтому я осторожно расцепила пальцы и положила их на медную ручку седла перед собой.

Ладно, это было неловко. Рука Ноара мешалась. Может, лучше скрестить перед грудью? Ноар тихо рассмеялся.

– Что смешного? – спросила я его.

– Я только что спросил себя, что мне нравится больше: когда ты смущаешься, или когда показываешь свои когти,

как...

– Если ты сейчас скажешь «как маленький котенок», я покажу тебе, для чего еще могут пригодиться мои когти.

Проницательность, с которой он видел меня, делала меня слегка агрессивной. По иронии судьбы это только еще больше рассмешило его.

– Не искушай меня... – весело предупредил он. Чувственный подтекст в его голосе раздражал меня. Мы только что едва избежали хаоса, и ему не пришло в голову ничего лучше, чем флиртовать?! Однако еще больше меня раздражало то, что мое тело реагировало на его флирт без моего согласия. Внезапно я осознала, что моя спина была прижата к его мощному торсу.

А Ноар даже не подумал снять напряжение с его каменных мышц на руках, чтобы я смогла ускользнуть от него хотя бы на несколько сантиметров. Это, наряду с плавными движениями лошади и его теплым дыханием на моей шее, заставило мои мысли дрейфовать в области, которая сейчас была совершенно неуместна. Раздраженная сама собой, я отвесила себе несколько воображаемых пощечин, которые, к сожалению, мало помогли. Хорошо бы отвлечься. Хм... Да...

Лошадь! Это было потрясающее существо, которое почти сливалось с мглистой средой. Если бы кто-нибудь рассказал мне об этом, я не смогла ни поверить, ни представить себе такое. Я осторожно провела кончиками пальцев по шерсти коня. Было прохладно и... шерсть была такой, какими

на ошупь представлялись в детстве облака.

Хорошо, отвлекающий маневр сработал.

Не останавливаемся!

Итак, мы действительно находились на пути в царство мертвых. По крайней мере, если верить словам Лазара – что я и делала. Просто не знала, не принудил ли он меня к этому...

Царство мертвых. Во всех моих попытках отыскать правду и даже в самых смелых мечтах мне никогда бы не пришла в голову мысль о том, что я родилась «на том свете». Конечно, я знала всевозможные легенды о различных загробных мирах, начиная с греческого Аида, заканчивая египетским Дуатом и христианским раем и, соответственно, адом.

Но кем это делало нас? Полубогами? Жнецами? Ангелами смерти? А сколько было таких, как мы? Эта империя должна была быть огромной, если был один император и сразу семь князей. При последней мысли у меня в горле образовался комок. Князь... неужели среди них были мои родители?! Может быть, у меня даже были братья и сестры, семья, дом? Что, если мне там не понравится? Что, если они разлучат меня с Мо, Анни и остальными?!

– А где находится то место, куда мы направляемся?

Я почти поверила, что туман проглотил мой вопрос, и Ноар его не услышал. Потом он тихо вздохнул.

– Описать Кассардим так же невозможно, как уловить солнечный свет или облечь мелодию в слова.

Ничего себе! Столь поэтического ответа я не ожидала от такого человека, как он. Я скривилась в усмешке и сделала мысленную заметку в своем тайном списке сведений о Ноаре. Хотя на самом деле мне было понятно, что он имел в виду. Ведь мы ехали на Туманном коне! Если в Кассардике было все таким... магическим...

– Тебе понравится, Амайя, – пробормотал Ноар.

– Почему это звучит так, как будто там резонирует еще одно большое «но»?

На этот раз он медлил с ответом.

– Потому что место, куда я должен вас доставить, – одно из самых опасных во всем Кассардике, – наконец произнес он. Было очевидно, что его настроение портилось с каждым новым вопросом.

– Императорский двор?

Молчание Ноара говорило само за себя. Просто замечательно. Нервное чувство, которое у меня было с момента нашей встречи с Лазаром, усилилось до огромного узла в моем желудке.

– Что там будет с нами? – хотела я знать.

– Вас представят ко двору.

– А потом?

Я почувствовала, как Ноар пожал плечами.

– Как знать. Если вы окажетесь там, вы будете под защитой императора. Впрочем, многие хотят видеть, как горит Золотая гора, и вы... будьте идеальной спичкой.

Прежде чем я успела ответить, Ноар обуздал нашего коня. А потом перед нами словно завеса отодвинулась в сторону, и впереди открылось далекое небо нежно-оранжевого цвета. Причем это было не небо, это были облака, которые поднимались высоко вверх и двигались дальше, не имея определенного направления, – словно гроза в промежутки времени пересекалась с раскаленным закатом. Облака тянулись над темным водоемом, поверхность которого переливалась всеми цветами радуги. Но не в стиле пони-единорога. Это скорее напоминало мрачные переливы растекшейся нефти. Тем не менее в воздухе пахло свежестью и чем-то незнакомым.

– Добро пожаловать на границу с Кассардимом, – тихо сказал Ноар. Мои братья и сестры тоже уже прибыли. Они взволнованно стояли на берегу и что-то обсуждали.

Ноар ловко спрыгнул с седла и, не спрашивая, поднял меня с лошади. Я хотела было пожаловаться, но, прежде чем я смогла выразить свое феминистское мнение, он просто ушел, чтобы поговорить с Варденом.

– Майя! Взгляни, что происходит с Адамом.

Анни потащила меня к остальным, а потом... пришлось перевести дух. На загорелом подбородке Адама красовались три прямые линии. Они тянулись перпендикулярно от его нижней губы до кадыка и были украшены маленькими заколочками и иероглифами.

– Что это? Это больно? Когда это произошло? – потрясенно спросила я. Линии были похожи на татуировки, только

они блестели красным золотом.

Ответы Адама были краткими: «Не знаю. Нет. В тумане».

Он старался казаться уверенным, но я знала его достаточно хорошо, чтобы распознать панику в его глазах. С разрешения брата я прикоснулась к странной татуировке. Она была холодной, словно металл, впившийся в его кожу.

С опаской я оглянулась на Ноара. Он тоже заметил перемену в моем брате. Как и Варден, поза которого резко изменилась. В его взгляде светились узнавание и благоговение вперемешку с гневом. Он чуть поклонился Адаму, и я с изумлением обнаружила, что подбородок Вардена теперь имеет те же металлические линии. Раньше их точно не было!

– Мой принц, – туманный всадник кивнул в сторону Адама. Нежелание, с которым эти слова прозвучали у него на губах, было настолько очевидным, что они казались чуть ли не оскорблением. – Простите меня, я не знал, кто вы. Иначе я бы уже раньше поприветствовал вас как полагается. – Даже сейчас его тон не оставлял сомнений в том, что ему больше всего хотелось отрубить Адаму голову. Потом его взгляд с возникшим интересом блуждал по нам. На мне его глаза сузились.

– Ты? Я знаю тебя! Ты – одна из них?!

Ноар предостерегающе положил руку на плечо седобородого великана. Потом он посмотрел на нас и глубоко вздохнул. Наверное, потому, что знал, что был причиной вопрошительных выражений наших лиц.

– Это символ туманных всадников, – пояснил он. – Медь. Дженни возмущенно схватилась за подбородок.

– У меня тоже появится что-то такое?!

Мой укоризненный взгляд она проигнорировала. Деликатность никогда не была ее сильной стороной.

– В человеческом мире символы народов исчезают. Вы отсутствовали так долго, что вашей связи с этой землей еще предстоит восстановиться. Но да, ты тоже получишь что-то такое, – сказал он в сторону Дженни. – Как только ты окажешься на земле своего народа.

Моя сестра выглядела так, словно вот-вот впадет в истерику. Подобные чувства одолевали не только ее.

– С меня хватит, – рыкнул Варден. Он погладил свой кулон. Появилась короткая вспышка, после чего из ниоткуда возникли семь прозрачных фигур. Одним из них был тучный лысый парень из того ресторанчика. Он и другие синие мерцающие призраки удивленно осмотрелись вокруг.

– Передай Лазару, чтобы он в будущем избавил меня от своих махинаций! – было последним, что сказал Варден, прежде чем подойти к стене тумана позади нас и исчезнуть в ней вместе со своими лошадьми.

Вот мы и стояли здесь – на узкой полоске глинистой почвы без единой травинки. За нашими спинами туман, перед нами – бесконечный водоем, темные струи которого тянулись до самого горизонта. Маслянистая жидкость текла мимо нас неторопливо, делая ее на первый взгляд похожей на мощную

реку. Но, присмотревшись повнимательнее, она меняла свое направление дальше. Множество раз. Вихри оказывали гипнотическое действие, и мне потребовалась вся моя концентрация, чтобы оторвать глаза от мерцающей воды.

– Что теперь? – спросила я Ноара.

Если нам не нужно было плыть туда, то мы застряли здесь, на границе с царством мертвых. Мои братья и сестры смотрели на Ноара преданными собачьими глазами. Промывка мозгов Лазара работала безупречно. Они пойдут за ним куда угодно.

– Теперь, – сказал он, указывая на странную реку, – будем надеяться, что вы не болеете морской болезнью.

Течение и вытекающие последствия

Спустя какое-то мгновение в поле зрения попадала деревянная лодка, стремительно плывущая по темным потокам. Скорее это была барка, похожая на изогнутый лист размером с небольшой экскурсионный пароход. Только у нее не было ни двигателя, ни ведущего колеса, ни руля. Совершенно бесшумно она приближалась к берегу.

На корме одиноко стоял человек. Он был молод, едва ли старше нас, и со своими очень короткими волосами и льняной одеждой коричневых тонов выглядел так, словно вышел прямо из какого-то фильма о «Звездных войнах». Не хватало только лазерного меча, и он прошел, будто был джедаем. Однако по его скулам тянулся странный узор цвета охры. Символы были похожи на те, что появились у Адама, только они не сияли. Это выглядело почти как какая-то племенная роспись из желтой глины.

Когда барка остановилась, по полированным деревянным доскам пробежала легкая дрожь. Тогда молодой паромщик-джедай со странными знаками на лице молча бросил нам несколько свертков. Ноар указал на них и сказал:

– Переодевайтесь. Одежда, украшения, очки, резинки для волос – все из человеческого мира здесь слишком бросается

в глаза.

В нерешительности я схватила сверток, оказавшийся передо мной. В нем были брюки до колен, широкая рубашка, какой-то длинный жилет с капюшоном, пояс и мягкие кожаные сапоги – все разных оттенков коричневого. Вообще-то, я ожидала громкого протеста со стороны Дженни перед лицом этого средневекового костюма, но она первой начала переодеваться, похотливо поглядывая в сторону Ноара. И, конечно же, не забыв при этом представить себя и свое нижнее белье в как можно более выгодном свете.

Я бы даже задалась вопросом, не умерла ли я случайно и не оказалась ли в аду, если бы не знала наверняка, что это было чертовски близко к истине.

Покачав головой, я принялась снимать с себя собственные окровавленные вещи. Протестовать из чистой гордости было бы бессмысленно. К моему удивлению, свежая одежда подходила как влитая. Даже у моих братьев и сестер. Кто-то прекрасно знал, какие у каждого из нас были размеры. Хоть я и чувствовала себя одетой как-то странно, ткани приятно ложились на кожу, и поэтому мне не хотелось снова жаловаться. Кроме того, я была рада избавиться от толстого пуховика. В Кассардике, казалось, царил весна. Если здесь вообще существовали времена года...

Переодевшись, я запихнула свои старые вещи в сумку. Ноар тихо беседовал с нашим паромщиком. Он сунул ему несколько золотых монет в руку. Оплата? Или взятка? Во

всяком случае, молодой Обиван не задавал вопросов. Пока мы всходили на его качающуюся барку, он почти не обращал на нас внимания. Однако совсем по-другому парень вел себя с синими мерцающими призраками. С каждым из них он обменялся несколькими приглушенными словами, прежде чем тоже взойти на свою барку. Ноар все время не спускал глаз с горизонта. Его мрачное выражение лица совсем не способствовало тому, чтобы я могла почувствовать себя лучше. К этому добавилось тяжелое осознание того, что, как только мы тронемся с места, пути назад уже не будет. Сквозь туман мы могли бы еще найти дорогу домой, но с этой рекой, напоминающей океан, все было несколько иначе. В конце концов, после моего подробного изучения мифологии, нетрудно было сложить два и два: во многих культурах существовал жуткий поток, обозначающий границу с подземным миром. В некоторых это были дикие заводы, в других они состояли из теней или пламени. Но все легенды сходились во мнении, что попасть в царство мертвых не было проблемой. Проблема была в том, чтобы покинуть его.

Тем не менее я не выразила своих опасений. У меня не было альтернативы. Я хотела узнать, что находилось по ту сторону этой реки, и выяснить, откуда мы родом. Кроме того, мои братья и сестры последовали бы за Ноаром хоть на край света из-за манипуляций Лазара. И о том, чтобы оставить их с ним наедине, не могло быть и речи. Таким образом, человек со звездными глазами и рыжевато-каштановыми во-

лосами неожиданно стал центром моей жизни. По крайней мере, на данный момент.

Он перепрыгнул через перила последним, прежде чем барка тронулась, как по волшебству. Призраки собрались на носу судна и смотрели навстречу своей судьбе, пока мы мучительно медленно удалялись от берега. Если бы так продолжалось и дальше, нам потребовался бы не один день, чтобы доплыть до другой стороны. Вздохнув, я оторвала взгляд от глинистого клочка земли. Вдруг у меня закружилась голова. На краткий миг я увидела, что все становится размытым. А потом... мы уже не были на реке одни.

Какого черта?! Бесчисленное множество других барок скользило по темной воде рядом с нами. На всех мерцали голубоватые фигуры – иногда несколько, иногда только одна. Откуда они все так внезапно взялись?! Я оглянулась на берег. У меня закружилась голова, а потом я стала хватать ртом воздух. Стена тумана вздымалась далеко на горизонте и плавно переходила в красноватые облака высоко вверху. Мы в мгновение ока оказались в нескольких километрах от берега.

Бог ты мой...

– В Кассардике все следует своим особым законам, – слышался голос Ноара. С насмешливой улыбкой он повернулся ко мне. – Постарайся не задумываться об этом особо, иначе будет только хуже.

Хорошо сказано, в конце концов, я чувствовала себя так,

будто случайно оказалась в сюрреалистической картине, которая меняла свой сюжет при каждом новом взгляде на нее.

– Легче сказать, чем сделать, – пробормотала я. Даже моим собственным чувствам нельзя было больше доверять, не говоря уже о старых физических законах. Я вдруг почувствовала себя совершенно потерянной, и тоска по дому накатила на меня, как цунами. И хуже всего то, что у меня вообще не было дома, по которому я могла бы тосковать.

– Ты родилась здесь, Амайя. Ты привыкнешь к Кассардиму, – я почувствовала, как голос Ноара проникает в мои мысли. Он был прав. В глубине души я знала, что принадлежу этому месту. Мне оставалось только привыкнуть и... Стоп, стоп! Неужели он только что повлиял на меня?!

– Немедленно прекрати это! – я покосилась на него.

Ноар рассмеялся, но не стал ничего отрицать. Вместо этого он пристально посмотрел мне в глаза. Яркие пятна на его черной радужке, казалось, стали светиться еще ярче с тех пор, как мы покинули пределы тумана.

– Если ты дашь волю своим страхам, рискуешь упустить чудеса, которые может предложить тебе эта империя. – Он подергал за локон, спутавшийся у меня на лбу. Я почувствовала, как мое сердце начинает биться чаще. И проклинала себя за то, что мой разум снова и снова отключался сам по себе в обществе Ноара. Нежный ветер гладил его по волосам, демонстрируя его тщеславие. Как ни странно, ветерок, казалось, не шел ни с какого определенного направления. Почти

как на станции метро, как раз перед прибытием поезда.

– Кстати, я говорю не о себе, – добавил он, в то время как широкая усмешка придавала его лицу что-то по-мальчишески озорное. – По крайней мере, не только.

Эм, м-да. Волшебство момента тут улетучилось. Его высокомерие действовало лучше ледяного душа. Я с вызовом скрестила руки на груди.

– Серьезно? Думаешь, ты – чудо?

– В любое время я к твоим услугам, если ты хочешь самостоятельно в этом удостовериться. Если осмелишься, конечно.

Мне нужно было пару раз моргнуть, прежде чем я осознала всю наглость его слов. И Ноара крайне забавляло мое безмолвие.

– Не заинтересована, – солгала я в итоге.

Остроумным это не назовешь, но что-то другое даже при всем желании мне не хотелось придумывать. Конечно, я понимала, что тем самым обеспечила Ноару прекрасный повод для его очередного подшучивания.

Но он не пошел на это. Напротив, улыбка у него на лице растаяла, оставив лишь суровую серьезность. Он опустил взгляд.

– Мудрое решение.

Прежде чем я смогла истолковать его очередную перемену настроения, прибежала взбудораженная Анни. Другие мои братья и сестры последовали за ней, опасливо ступая по

качающейся барке.

– Майя, Майя, Майя! Посмотри, что со мной происходит!

Через несколько секунд мы были окружены, и моя младшая сестра посмотрела на меня с восторгом. У меня перехватило дыхание. Лучевидный узор украшал ее кожу под глазами. У него был тот же теплый охристый тон, что и у нашего паромщика, и тянулся от ресниц до скул.

– Разве это не прекрасно?!

Я осторожно потрогала переплетенные рисунки. Символы были прохладными, но, казалось, являлись частью ее кожи. Во всяком случае, стереть их не хотелось.

Гордо держа перед собой маленькое зеркальце для макияжа Дженни, Анни рассматривала свое новейшее приобретение.

– Похоже, я теперь речная принцесса!

Я не знала, что на это ответить. Выдавлив из себя несколько вымученную улыбку для Анни, я с опаской оглянулась на нашего паромщика – на всякий случай, если тот отреагировал бы так же пренебрежительно, как Варден. Однако он не удостоил нас взглядом. В отличие от Ноара, который с яростным рычанием вырвал зеркало из рук моей младшей сестры.

– Сядьте и молчите, – велел он сурово. Зеркальце Ноар просто выбросил за борт.

Да в чем дело?

На глаза Анни навернулись слезы, но она выполнила приказ Ноара. Ей почти ничего не оставалось, ведь ползучий

напор, который я почувствовала, доказал, что он применил свою волю против нас. Остальные тоже неохотно подчинились приказу Ноара. Только моя злость на его жестокое поведение была достаточно велика, чтобы устоять перед ним.

– Зачем ты сделал это?! – разозлилась на него я. Со мной он мог вести себя так грубо, как хотел. Как минимум, я могла сопротивляться – по крайней мере, думала так. Но Анни – совсем другое дело.

Ноар проигнорировал меня и начал один за другим бросать все наши сумки в маслянистую реку.

– Эй, я с тобой разговариваю!

Мои братья и сестры выглядели такими отчаянными, я чувствовала себя точно так же. Это было все, что осталось нам от старой жизни. Решительно я встала на пути Ноара. Огромные черные глаза сверлили мои.

– Использовать что-то из вашего мира – лучший способ привлечь сюда хаос, – прошипел он и грубо оттолкнул меня в сторону. Затем он выбросил последнюю сумку за борт. Я беспомощно смотрела, как все тонет в мутной реке. Какая расточительность. Он мог бы просто предупредить нас.

– Так значит, вихри хаоса есть и здесь тоже?

Ноар презрительно фыркнул.

– А как ты думаешь, из чего состоит река Вечности?

– Что?!

– Смотри внимательно! – он схватил мою руку железной хваткой и подтолкнул меня к перилам. На краткий миг мне

пришлось бороться с мыслью, что он может просто выбросить меня. Купание в этом пестром переливчатом шлаке, безусловно, было далеко не самым приятным занятием. Особенно если Ноар был прав. Однако он лишь держал меня и заставил смотреть в темную воду.

На самом деле течения, казалось, не следовали никакой логической схеме. Скорее они напоминали скопление водоворотов разного размера и скорости. Потом я застыла. Вдруг в глубине я смогла разглядеть светлое лицо с большими черными глазами. Он смотрел прямо на меня. Ищущий помощи. Одна рука протянулась в мою сторону. Я хотела отступить, но Ноар не уступал ни на миллиметр. Когда пальцы пробили поверхность воды, они вдруг превратились в черные щупальца густого дыма. Паника пронзила меня, словно удар кулаком в живот, но ветер развеял дым во все стороны, прежде чем он успел коснуться меня.

– Что это, черт возьми, было? – жалобно прохрипела я.

Ноар окинул мрачным взглядом темные водовороты и, наконец, ослабил свою болезненную хватку.

– Кассардим – оплот порядка среди океана хаоса, который хочет поглотить мир и все в нем, – тихо сказал он. – То, что ты только что видела, было потерянной душой.

Душа?! Это был мертвый человек? Я думала, что эти синие призраки были проявлением человеческих душ.

Разве что...

– Потерянный в смысле обреченный на вечные муки, или

потерянный в смысле случайно упавший за борт? – хотела я знать, осторожно отойдя на шаг от перил.

Ноар рассмеялся над моим вопросом.

– Тебе не стоит говорить что-то подобное слишком громко. Паромный народ реагирует довольно остро, когда кто-то задевает их гордость. – Он кивнул в сторону нашего паромщика, который, хотя и слышал нас, но лишь закатил глаза.

– Так, значит, они не выпали за борт?

– Да. Это души, которые отказались идти со всадниками тумана после своей смерти. Все те, кто не хотел отпускать свою прежнюю жизнь. Этим они нарушили порядок, так что хаос поглотил их.

– И теперь они дрейфуют в этих... водах хаоса?

– Хаос – это ни вода, ни воздух, ни дым, ни камень, ни тень, ни свет. Это все и ничего – и это везде и одновременно. – Пальцы Ноара скользнули под мой подбородок, словно он хотел убедиться, что я действительно его слушала. Краем глаза я заметила, что на нем были темные перчатки, которые выпускали кончики пальцев. Однако его сияющий звездный взгляд приковывал к себе все внимание, так что у меня едва ли была возможность этому удивиться.

– Это наша работа, Амайя. Кассарды – хранители порядка, стражи загробного мира, судьи умерших. Мы наказываем или вознаграждаем их души, или сопровождаем, их дальше в новые жизни. – Торжественное выражение появилось на его угловатых чертах лица. – Мы – это порядок, который

мешает хаосу пожирать все.

Ничего себе...

Вообще-то эти слова должны были напугать меня до чертиков, но это было не так. Все вдруг обрело смысл: почему мы так медленно старели, почему мы владели всеми языками, почему мы могли подчинять других своей воле. Это осознание заставило меня вздрогнуть – что-то, похожее на лихорадку. В положительном смысле. Это было похоже на то, что после столь долгого времени я, наконец, достигла цели. Обрела истину.

– А теперь, – сказал Ноар, натягивая на голову капюшон, – садись к остальным и постарайся не выделяться.

Снова ветерок пробежал по его волосам. Над ним облака светились нежным оранжевым цветом, придавая ситуации эпический оттенок. Я не хотела садиться. Мне хотелось остаться с Ноаром, засыпать его вопросами и внимательно слушать ответы. Глупо только, что я не сопротивлялась ему, потому что он мог в любой момент навязать мне свою волю. Но тут мне пришло в голову, что именно этого он и не делал.

– Почему ты не принуждаешь меня? – с моими братьями и сестрами он сделал это без всякого стеснения.

Я внимательно следила за его реакцией, но Ноар даже глазом не моргнул.

– Неужели ты этого хочешь?

Вкрадчивый звук его голоса заставил меня вздрогнуть. Только на этот раз я не позволила себя отвлечь, потому что

у меня возникла догадка. Смелая догадка.

– Ты не можешь, не так ли? И ты не вступаешь в битву, которую не можешь выиграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.